

A movie poster featuring a man and a woman in 18th-century attire. The man, on the left, has long blonde hair and wears a blue patterned coat with a white cravat. The woman, on the right, has long brown hair and wears a green dress with a white lace collar. She holds a wicker basket filled with fruit. They stand in a garden with orange trees and yellow flowers. In the background, a large manor house is visible under a blue sky with clouds.

КИРА ЛИН

ПРЕДАННАЯ

ХОЗЯЙКА ГИБЛОГО
ПОМЕСТЬЯ

Кира Лин

Преданная. Хозяйка гиблого поместья

<https://litres.ru/74477788>

Аннотация

Ничего себе попала в другой мир! Оказалась в теле жены дракона, прославившейся скверным характером. Властный муж-изменник хочет избавиться от меня и отправляет в гиблое поместье. Но не торопится подавать на развод. О репутации беспокоится или есть другая причина? А мне какое дело?! Начну жизнь с чистого листа, подниму заброшенное хозяйство и открою свой бизнес. Вот только жестокий дракон никак не хочет оставить меня в покое.

В книге вас ждут:

Властный дракон
Неунывающая героиня-попаданка Тайны,
пороги и щепотка магии
Гарантированный ХЭ

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	17
♥#♥#♥#	19
Глава 4	24
Глава 5	32
Глава 6	36
Глава 7	40
Глава 8	45
Глава 9	56
Глава 10	61
Глава 11	68
Глава 12	77
Глава 13	82
Глава 14	87
Глава 15	92
Глава 16	101
Глава 17	108
Глава 18	114
Глава 19	126
Глава 20	133
Глава 21	140
Глава 22	152

Глава 1

— Нет, вы поглядите на неё! Разлеглась и умирающего лебедя изображает! — раздаётся надо мной визгливый женский голос.

В лицо плещут ледяной водой.

Распахиваю глаза и часто дышу, над головой вертится... высоченный потолок с искусной лепниной. Солнечные лучи ползут по нему, мягким светом очерчивая рельефы.

Ощущение, будто по мне асфальтоукладчик проехался, тело ломит, в ушах гудит.

— Требую срочно принять меры! — продолжает кто-то противно верещать совсем близко. — Уму непостижимо!

Какого чёрта происходит?

Голова идёт кругом, соображаю с трудом. Где хоть я?

— Расступитесь, здесь не на что смотреть, — раздаётся низкий голос с благородной хрипотцой.

Доносятся медленные тяжёлые шаги. Обзор загораживает мужчина, склонившийся надо мной, в старомодном, но роскошном серебристо-голубом одеянии.

Тарашусь на него. Отмечаю длинные светлые, почти белые волосы, мягкими волнами лежащие на широкие плечи. Он чуть наклоняется, на мускулистой груди натягивается тонкая ткань серебристой рубашки.

Брови надменно сходятся на переносице, заострённые

скулы, подбородок покрывает светлая щетина. И весь он будто в ореле золотистого сияния стоит, нереально красивый и мужественный.

Вот только чувственные губы кривит презрительная ухмылка. Она портит весь образ. Я так думаю, пока не перехватываю его взгляд.

В глазах цвета весеннего неба плещется лютый холод.

Кто он такой и почему так смотрит на меня?

Слегка поворачиваю голову, в которой будто свинцовый шарик перекатывается, причиняя боль.

И застываю, сердце пропускает удар. Челюсть так и норовит отвалиться. Смотрю на своё отражение в зеркальной колонне, а там не я!

Совсем-совсем не я!

Макияж, конечно, способен творить чудеса, но не настолько же! Даже подружка моя, Маринка Смирнова, гримёр в детском театральном кружке, не смогла бы такой фокус провернуть.

Длинные каштановые волосы мягкими волнами лежат на плечах, на затылке их фиксирует тяжёлая заколка, украшенная крупным жемчугом.

Хрупкие черты лица, светлая, почти белая кожа, большие зелёные глаза миндалевидной формы в обрамлении густых ресниц. Чувственные губы покрыты бледно-розовым блеском.

Здорово, конечно, но только у меня лет пять короткая

стрижка.

Да я будто со старинного портрета сошла!

Разглядываю себя с ужасом, сижу на полу в оцепенении. В одной руке прядь чёрных волос. А этот блондин откровенно пялится, что прибавляет к шоку ощущение дискомфорта.

Справа от меня шевелится дама в атласном платье глубокого синего цвета. Та самая, что визжала над ухом. Приходится запрокинуть голову, чтобы рассмотреть ее.

На вид слегка за сорок, чёрные, как смоль волосы затянуты в тугой пучок. Губы сжаты в прямую линию, а в тёмных, выпученных от природы глазах искрится нескрываемое удовольствие.

С чего бы вдруг?

Ей в плечо уткнулась девушка и выжимает из себя надрывные рыдания, драматично комкая подол и шелестя складками лилового платья. Искоса на меня поглядывает, не забывая вовремя промокнуть уголки глаз кружевным платочком.

На первый взгляд - невинная и хрупкая, не старше двадцати лет. Чёрные волосы уложены в сложную высокую причёску, но локоны по бокам выбились, и в затылочной части пряди неловко торчат, как будто их варварски выдернули.

В ней всё выглядит нарочито утончённо: и ровные брови, и сияющая кожа, и пухлые губы с капризным изгибом.

Похожа на свою мать, глаза такие же выпуклые, слишком большие для лица, но не лишённые притягательности. Она

знает, как повернуть лицо, чтобы поймать нужный свет. Знает, когда всхлипнуть и как сжать плечи, чтобы выглядеть особенно ранимо.

Я опускаю взгляд на свою ладонь - в ней всё ещё зажат клочок чёрных волос. Похоже, её.

По залу прокатывается сдержанный шёпот. Женщина театрально вскидывает руки:

— Ах, бедная Милена! Какая жестокость! Какой позор для нашего дома!

Резко поворачивается ко мне, сжимая дочь за плечо и бережно поглаживая по взъерошенным волосам. И буравит меня испепеляющим взглядом.

— Ты напала на беззащитную девушку, Мишель! За что?!

А Милена, всё так же прячась у матери за спиной, тихо всхлипывает, но взгляд бросает совсем не испуганный. Он скользит по мне снизу вверх, короткий, дерзкий, с оттенком удовлетворения.

— Не бойся, Милена, — утешает дамочка свое чадо. — Мишель за всё ответит сполна.

Хмурюсь, хоть это и причиняет боль. Кто все эти люди? Я умерла и попала в театральную постановку?

Дорогие читатели! Рада приветствовать Вас в своей новой истории. Буду благодарна, если зажжете ей звездочку, добавите в библиотеку и подпишитесь на мою авторскую страничку. Это помогает продвижению книги.

Листаем дальше)))

Глава 2

Какая ещё Мишель?

Я Маша! Маша Сухарева.

И чего они смотрят с осуждением? Это мне положено злиться за неуместный спектакль.

Успеваю мазнуть взглядом по помещению и отметить убранство.

Стены покрыты бледно-синим шёлком с мелким цветочным узором, мебель из тёмного дерева с резными деталями и изогнутыми ножками, похожая на антикварную.

По периметру комнаты собрались мужчины в таких же старомодных камзолах и женщины в изысканных длинных платьях.

Провожу ладонью и ощупываю то, на чём сижу. Мягкий ковёр с коротким ворсом.

Что, в конце концов, случилось? Как я сюда попала?

Стискиваю виски пальцами и зажмуриваюсь. Соображай, Маша! Как ты умудрилась так вляпаться?

Знать бы ещё - во что.

— Довольно ломать комедию, — бросает мужчина с белыми волосами.

Берёт меня за руку чуть выше локтя, за ту, в которой прядь волос зажата. И поднимает на ноги без видимых усилий.

Мир переворачивается, свинцовый шар в голове с новой силой катается и ударяется о стенки черепа. Перед глазами пляшут чёрные пятна. Во рту тошнотворный вкус каких-то трав.

Провожу языком по небу и зубам, за щекой обнаруживаю полу растаявший леденец. От него и этот мерзкий привкус.

Против воли морщусь, незаметно выплёвываю его в свободную руку и опускаю взгляд.

Вижу на себе сине-кремовое платье с турнюром и вышивкой на тугом корсете. Глазам не верю. Проклятье, как правдоподобно! Ткань добротная и наверняка дорогая.

Мужчина вдавливая пальцы в предплечье, причиняя умеренно боль и привлекая к себе внимания.

— Ай! — вскрикиваю я и пытаюсь отодвинуться от него, но железная хватка руки с проступающими венами не позволяет.

Мамочки, а что с моим голосом?! Он совсем не мой!

Поднимаю медленно взгляд и сглатываю. Какой же он здоровый! Выше меня головы на две, наверно. А этот взгляд леденящий... От него под ложечкой сосёт.

— Что вы себе позволяете? — смотрю на него с вызовом и хмурюсь. — Мне же больно!

— Потерпишь, — произносит он и ведёт меня к высоким белым дверям.

Присутствующие, шелестя одеждой, освобождают проход и тихо перешёптываются. Я воровато озираюсь по сторонам.

Обстановка напряжённая, собственный пульс оглушает.

Ловлю на себе осуждающие и даже враждебные взгляды. Непонимающе хмурюсь. Уж не знаю, что происходит, но я себя виноватой ни в чём не чувствую!

Блондин опускает взгляд на карманные часы, что держит в ладони. Торопится куда-то?

Нервно покусываю губу, а сердце подскакивает к горлу, норовя выпрыгнуть из рта.

Я всё-таки не сплю?! Но как такое возможно....

— Куда мы идём? — непривычно звонким голосом спрашиваю и нервно облизываю губы.

Невольно прислушиваюсь к перешёптываниям за спиной.

— А с виду и не скажешь, такая кроткая.

— Не повезло Ризанду с супругой.

— Какой позор!

Морщу лоб и усиленно моргаю. Кого они так грязью поливают?

— Скоро узнаешь, милая жёнушка, — со скучающей интонацией в голосе отвечает блондин.

Жёнушка?! Мне не послышалось?

Чёрт, чёрт, чёрт!

Сердце спотыкается, дыхание становится рваным.

Значит, люди шептались обо мне. Ужас какой! Не успела в другом мире очутиться, а уже знатно накосячила!

Нам навстречу выступают двое стражников в серебристо-чёрной форме, но беловолосый велит им вернуться на

позиции властным жестом руки.

— Я сам отведу её, — сухо бросает он.

Куда отведёт? Зачем?

Едва поспеваю за ним, путаясь в длинной юбке платья. Проходим по широкому светлому коридору, тут и там стоят белые скульптуры.

На стенах барельефы с изображением драконов и эпичных сражений с их участием. Поднимаемся по изогнутой лестнице и снова оказываемся перед высокими дверями.

Мужчина толкает их и заводит меня в просторное помещение, напоминающее кабинет. Дубовый стол в центре, на высоких окнах бархатные винные шторы.

Вдоль стен высятся книжные шкафы, по ковру цвета кофе со сливками рассыпаются блики от хрустальной люстры.

Блондин заходит сам и запирает дверь. Успеваю заметить пожилого мужчину в добротном сером камзоле. Он понуро опускает голову перед беловолосым и не смеет на меня смотреть.

У окна уже стоит дама в синем платье с пучеглазой дочуркой. От обеих мне не по себе. Неприятные, и смотрят с плохо скрываемым презрением.

— Прежде, чем я озвучу свое решение касательно тебя, можешь попытаться объясниться, Мишель, — сухо роняет мужчина и обходит со спины походкой хищника. — Только не томи. Я порядком устал от твоих выходов, и извинения особой роли не сыграют.

Растерянно гляжу на пожилого мужчину и вздрагиваю всякий раз, когда беловолосый делает шаг. Он как акула, опасен и нетороплив, готов в любой момент проглотить меня.

— Не понимаю.... — бормочу, комкая шелестящую ткань платья.

— Не понимаешь? — надменно переспрашивает он и выходит в центр комнаты. — Милорд Прэстон, собственно, об этом и речь. Она не понимает! И так каждый раз. Она изводит прислугу, горничные боятся её как огня. Вдобавок к скверному характеру у Мишель проблемы с памятью и соображает она туго.

— Да хватит! Я правда не понимаю! — выпаливаю на одном дыхании и прикусываю язык.

По лицу блондина мелькает тень недоумения, но ее тут же смывает волной гнева. Он одним шагом покрывает между нами расстояние и хватает меня за руку. Отбирает прядь волос и вынуждает смотреть ему в глаза. В бездонные ледяные глаза, в которых зрачки вытягиваются, как у ящера, и пульсируют.

Мамочки, что это с ним?

Судорожно сглатываю и качаю головой. По позвоночнику скользит холодок ужаса. Уж лучше помолчать, в самом деле.

И все в кабинете притихли. Тихо настолько, что слышно было бы, как падает булавка.

— Ты вцепилась в волосы Милене, Мишель. При свиде-

телях, на званном вечере, между прочим. На ногах еле держалась. А когда тебя попытались оттащить от неё, изобразила весьма драматичный обморок. Прилюдно унизила меня, Милену и делаешь вид, будто ничего не понимаешь. Как, по-твоему, это называется?

— Недоразумение, — выдыхаю я и сжимаюсь изнутри, предчувствия его бурную реакцию.

Та, в чьём теле оказалась, готова была трепетать перед ледяным блондином, волной накатывают отголоски её эмоций и чувств. В памяти будто на быстрой перемотке проносятся обрывки чужих воспоминаний.

Зажмуриваюсь и сжимаю до боли в пальцах угол стола.

Мужчина у окна - наш отец, Логан Прэстон. Души не чаёт в дочери, но безволен перед женой, нашей мачехой Марианной. Та женщина в синем платье - это она.

А злющий блондин напротив - Ризанд Маккензи, могущественный дракон, Верховный Эмиссар короля и лорд северных земель.

Дракон?

Да вы издеваетесь!

В очередной раз щиплю себя отчаянно за локоть, но ничего не происходит. Сон никак не обрывается, и все ощущения как наяву.

Вот же я встряла по самые помидоры!

Брови Ризанда ползут на лоб.

— Недоразумение? — чеканит дракон ледяным тоном. —

Вот как?! А я считаю недоразумением решение взять тебя в жёны.

— О, нам так стыдно, милорд! — причитает, заламывая руки, брюнетка. — Омерзительно от мысли, что Мишель — наша родственница. Да как она могла, негодяйка! В пансион бывших жён её, там ей самое место!

Блондин морщится, как от зубной боли.

— Прошу, успокойтесь, леди Мариана. Я сам разберусь со своей женой.

— Лорд Маккензи, — подает голос отец и делает нерешительный шаг в нашу сторону, сминая в руках головной убор. — Позвольте загладить перед вами вину? Я немедленно заберу Мишель домой, брачный договор расторгнем, если вам угодно.

— Заберете её? — хмыкает Ризанд и косится на отца. — Вот так просто она отделается? При всем уважении, господин Прэстон, но нет! Мишель должна искупить вину за содеянное и очистить мою репутацию, а не прятаться за спиной отца. Опозорила она меня прилюдно, значит, и наказание должно быть публичным.

В ужасе кошусь на отца. Он заметно скукоживается после слов дракона и понуро опускает голову. Не смеет перечить ему и отступает назад. Похоже, я сама по себе, помощи ждать неоткуда.

Храбрюсь и поворачиваюсь к лорду Маккензи. Смотрю на него, а у самой поджилки трясутся. Его подчиняющая

энергетика и властный взгляд сбивают мой воинственный настрой.

Но если не постою за себя сама, то кто ещё? Отец слишком мягкохарактерный, вдобавок боится дракона.

— И какое же наказание меня ждёт? — сиплым голосом спрашиваю и облизываю пересохшие губы.

Лорд Маккензи холодно ухмыляется.

— Тебе правда интересно, Мишель? Что ж, — бесцветно произносит и увлекает к себе. — Сейчас узнаешь, дорогая жёнушка.

Глава 3

Пытаюсь сопротивляться и хватаюсь за край стола, но он рывком меня отдирает от него.

Леди Мариана встает рядом с отцом, держа за руку всхлипывающую дочурку, и скидывает голову. Силится сохранить печальное выражение на лице, но глаза выдают. Из них так и кричат предвкушение и радость.

Дракон обводит взглядом присутствующих и тихо хмыкает.

Хочется стыдливо опустить голову, но я борюсь с унижительным порывом. Напротив, приподнимаю подбородок.

— Что ж, я готов озвучить свое решение, — произносит ровным голосом блондин. Глаза его - чистый лёд, без примесей. — Моя супруга и ваша дражайшая дочь заслуживает наказание, достойное её поступков. Завтра же она будет изгнана из Алденхолла и отправится в моё поместье в Эйвендейле, что на краю Астренбурга.

— Но мой лорд, — капризно-возмущённым тоном протягивает мачеха Мариана и крепче обнимает дочурку, которая притихла и прислушивается к словам дракона. — Разве вы не расторгните с ней брачный договор?

Вот зараза! Вставила-таки свои пять копеек.

Осторожно поднимаю взгляд на дракона. Его безупречно красивое лицо лишено эмоций, а глаза сужаются и темнеют.

— Развод - дело серьёзное, леди Мариана. Мы решим данный вопрос с Мишель сглазу на глаз, — слегка поворачивает голову и бросает пренебрежительный взгляд на меня. — А до отъезда за ней присмотрит моя стража, во избежание новых нелепых выходов или попытки побега.

Мариане явно не по душе наказание. А её дочурка Милена зыркает злобной зверушкой в мою сторону из-за спины матери.

Память настоящей Мишель подсказывает, что мы с ней вовсе не сёстры. А ещё... она спит с моим муженьком, за что лишилась части волос. О, это многое объясняет.

Мачеха опускает голову в коротком поклоне и поджигает губы, делает шаг назад.

А я мысленно ставлю красную галочку рядом с её именем. Она мне не желает добра.

— Что ж, я огласил своё решение, — заявляет Ризанд и вновь обводит взглядом мою новую семейку. — Полагаю, возражений ни у кого нет? Отлично. Благодарю, что почтили вниманием. А теперь я должен отдать некоторые поручения и сопроводить жену до её комнаты.

После чего дёргает меня за руку и силой ведёт к выходу. Чувствую себя безвольной куклой. Растерянной и пребывающей в оцепенении.

Может, ещё не поздно проснуться?

#####

Ну и конечно же познакомимся с визуалами наших героев)))

Наша красавица-героиня Мишель Прэстон (Маша Сухарева в прошлой жизни)

Ее муж-дракон Ризанд Маккензи

С остальными персонажами будем знакомиться постепенно)))

Глава 4

Интерьер дома поражает воображение. Столько изысканных и вычурных деталей я видела разве что в музее истории, когда на экскурсию ездила.

Белизна и золото в оформлении, увесистые хрустальные люстры на высоких потолках. Антикварная мебель, начиная с напольной вешалки и заканчивая массивными шкафами.

Под ногами лоснится роскошный зелёно-белый ковёр с мягким ворсом и замысловатым узором, каблуки туфель утопают в нём. В углах коридора стоят напольные вазы с пышными живыми цветами.

Ризанд ведёт меня за руку, сомкнув пальцы на запястье. Любуясь домом, я почти забыла о его существовании.

Идём в полнейшей тишине, пока дракон не останавливается перед широкой белой дверью. Нажимает на позолоченную ручку и толкает её.

Отпускает руку, подталкивает меня между лопаток и вынуждает зайти внутрь.

Первым делом вижу горничную. Девушка в чёрном платье с белым передником и чепцом поспешно кланяется и выдавливает из себя кислую улыбку.

— Госпожа? — пищит приветственно и дрожит, как осинный лист.

Боится меня?

— Мара, помоги госпоже собрать вещи в дальнюю дорогу,
— сухо бросает дракон и выскальзывает из комнаты.

— Э-э-м, — разворачиваюсь вслед за движением муженька, но он уже закрывает дверь.

— Я вам ванну приготовила, госпожа, — продолжает пищать заметно побледневшая горничная. — Какие ещё будут пожелания?

— А? — снова поворачиваюсь к ней и оглядываю комнату. Мысленно присвистываю. — Ты же слышала господина? Помоги-ка мне вещи в дорогу собрать. А то я в растрёпанных чувствах.

Улыбка сползает с лица Мары, как размытая водой краска с холста.

А я прохожу в комнату и изучаю интерьер, в котором уже не доведётся пожить. Высокие белые потолки украшены нежными росписями, стрельчатые окна обрамлены лёгкими персиковыми занавесками, которые плавно колышутся на ветру.

Вокруг царят приглушённые оранжевые и кремовые оттенки. Центром комнаты является роскошная кровать с балдахином, обитая мягким бархатом и украшенная кружевами. Постельное бельё с цветочной вышивкой.

Рядом стоит изящный туалетный столик с зеркалом в резной раме, на котором аккуратно расставлены флакончики с духами и пудреница.

В углу старинный трельяж, а на полках - книги и свитки.

Рядом большой бельевой шкаф, украшенный резьбой. Пол застилает мягкий ковёр. Роскошно, как в комнате принцессы.

Пока Мара бредёт к шкафу, открывает створки и копошится на полках, я опускаюсь на край кровати и прислоняюсь лбом к столбу балдахина.

Оцепенение сменяется ощущением безысходности, ровное дыхание душит меня. Силуюсь восстановить в памяти цепочку событий, предшествующих моему пробуждению в чужом мире. И мире.

Сначала в голове лишь серый шум, но спустя несколько минут мучений, я будто настраиваюсь на нужную волну.

В сознании мелькают образы - кадры из моей жизни. Погружаюсь в них, а по коже бегут мурашки. Вздрагиваю, боль в груди пульсирует, будто нарыв вскрыла.

Лучше бы не тревожила.... Не бередила.

Пик... пик... пик...

Звук аппарата жизнеобеспечения мягко пульсирует в темноте. Ритмичный, успокаивающий, почти убаюкивающий. Я давно привыкла к нему, как привыкают к шёпоту дождя за окном.

Воздух пахнет стерильной чистотой, слабым цветочным ароматом – кажется, мама приносила свежие пионы, но они уже вянут в вазе, стоящей на тумбе у больничной кровати.

Мои глаза закрыты, давно их не открываю. Не могу. Как и шевельнуться. Уже и не помню, сколько здесь нахожусь,

реальность смешалась с затянувшейся дремой от капельниц. Но я отчётливо слышу голоса.

— Мы сделали все возможное, Наташ... — голос отца. Глухой, срывающийся, но спокойный. Он всегда держится. Даже сейчас успокаивает маму.

— Я не могу... — мама всхлипывает. Что-то тёплое касается моей руки – её пальцы, слабые, дрожащие.

Я хочу сказать им, что всё хорошо. Что всё понимаю и люблю их больше всего на свете. И что сама смертельно устала – от этой бесконечной, изматывающей болезни, от бесчисленных анализов и обследований, с каждым разом приносящих всё более безнадёжные результаты.

От ощущения, как жизнь, капля за каплей, покидает моё тело.

И сама с облегчением отпустила бы их, но это не в моей власти. Сколько ещё они должны страдать, наблюдая меня... такой?

Но язык не слушается, слова тонут в мутном сознании.

— Прости нас... — шепчет мама и прижимается губами к виску.

Пик... пик... пик... Пииии....

Щелчок, за которым следует тишина и лёгкость. Я тону в тепле, в мягкой, обволакивающей темноте. Ни страха, ни боли. Только покой.

А потом мне плещут водой в лицо.

Значит, всё-таки умерла! Умерла и оказалась в теле де-

вушки со вздорным характером, обвиняемой в издевательствах над прислугой.

Так приятно снова ощущать себя, прикасаться к предметам, видеть... Судьба подарила мне второй шанс, но с подвохом.

Пока не знаю, что именно произошло, но, судя по услышанному, Милена отхватила заслуженно. И не в характере Мишель дело, а в изменах мужа.

В груди отзываются слабыми волнами боль и тоска настоящей Мишель, во рту появляется вкус горечи.

Её отравили? Что за мерзкий леденец был у меня за щекой?

Моргаю и отлипаю от столба. Рука, в которой держу тот леденец, болит от напряжения. Оказывается, я до сих пор её с остервенением сжимаю, от конфеты осталась зеленая кашица.

На ладони наливаются кровью полумесяцы от ногтей.

Пока я предаюсь горьким воспоминаниям и осознаю новую реальность, Мара вытаскивает в центр комнаты сундук и заполняет его предметами одежды.

Что ж, пожалела себя и хватит! Куда меня изгоняет этот белобрысый гад? Надо у горничной расспросить, пока возможность выдаётся.

Оборачиваюсь и прочищаю горло.

— Мара, а ты, случаем, не знаешь, что за поместье у моего супруга на краю северных земель? Ты не бывала там?

Девушка вздрагивает и оборачивается.

— О, там давно никто не живёт, — печально произносит и вздыхает, сворачивая очередное платье и укладывая его на дно сундука. — Господин недавно приобрёл его у какого-то обанкротившегося фермера. Климат там терпимый, разве что зимы суровые. Горы близко, виды сказочные, но добираться тяжело и утомительно долго. Это господину хорошо — раз, драконом обернулся и помчал, крыльями воздух рассекая.

О, как! С глаз долой, из сердца вон. Одобряю.

— То есть, если возникнет острая необходимость, обратиться оттуда будет проблематично?

Горничная косится на меня с недоверием, от лица краска отливает.

— А вы с какой целью интересуетесь, госпожа?

Бесхитростно пожимаю плечами.

— Из праздного любопытства, не более.

Девушка испуганно тупит взгляд и кладёт свернутую ночную сорочку в сундук.

— Ох, госпожа! Бежать вздумали? Выбросите эти мысли из головы. Он же найдёт вас и тогда уже точно не пощадит. Лорд Маккензи же Верховный Эмиссар, из-под земли вас достанет!

“А ещё он - дракон и бабник! — подсказывает память прежней Мишель. — И вся знать знает о его похождениях. И это при живой-то жене!”

Ох-х-х! Вздыхаю и закрываю лицо ладонями. Как же так-то?

С бабником всё ясно, но дракон.... Это фигура речи такая? Или он правда... превращается, как оборотень?

“Это господину хорошо - раз, драконом обернулся и помчал, крыльями воздух рассекая”, — нет, всё-таки не фигура речи.

Вот же ж....

Ну, ничего! Главное уехать от него подальше, обустроиться на новом месте, и тогда заживу. Заново! С чистого листа.

Вот только на пороге появляется Ризанд, и в комнате становится заметно холоднее. Против воли ёжусь и поднимаю робко взгляд к его безупречному лицу, а внутри всё сжимается от страха.

Сегодня знакомимся с визуалом Милены)))

Глава 5

— Мара, оставь нас, — приказывает он, не отводя от меня пронизывающего взгляда.

Горничная поспешно отступает от шкафа и, кланяясь, ретируется, не забыв дверь за собой прикрыть.

Сижу, вцепившись пальцами в резной столб. Ризанд плавной походкой пересекает комнату.

— Давай без лишней драмы, — заявляет муженек и морщится. Останавливается перед окном, заложив руки за спину. — Ты целеустремлённо рушила наш брак, Мишель. Позорила меня в глазах общественности, а теперь ещё и скандал с Миленой разгорается. Я его замну, но из памяти людей не сумею стереть твою выходку. Слуги от тебя шарахаются, Мара отказалась с тобой ехать, и я не могу её осудить. — Ризанд поворачивается и смеряет меня пренебрежительным взглядом. — Она дольше всех продержалась у тебя в услужении, натерпелась.

Хмурюсь и отвожу взгляд, но его присутствие давит, а взгляд ощущается, как нажим ладони. Неприятно.

— Ты растрачивала свой магический дар на мелкие козни, — продолжает он и двигается в мою сторону с текущей грацией хищника. — Внимания моего хотела? Ну, что ж, поздравляю! Ты его добила. Не жилось тебе спокойно, дражайшая жёнушка.

Не выдерживаю и поворачиваюсь, с вызовом смотрю на дракона. Чувства настоящей Мишель, которые она так и не сумела донести до мужа, рвутся наружу.

— Ты изменял мне! Какого поведения ожидал? Разве я не заслуживаю уважительного отношения?

По его глазам брызжет лёд. Ризанд в два шага перекрывает между нами расстояние и хватает меня за подбородок.

— Ты с самого начала знала, что наш брак договорной. Но он мог перерасти в нечто большее нашими общими усилиями. От тебя требовалось всего-то не отсвечивать, играть роль счастливой жены и сидеть помалкивать, не лезть в мои дела. Но нет! Моральная чувствительность не позволила, да? — он пренебрежительно хмыкает и резко отпускает мой подбородок.

Выпрямляется и нависает, закрывая свет, льющийся из окна.

Тру осторожно лицо. Больно, но стараюсь не показывать.

— Ты сама во всём виновата, Мишель, — вздыхая, продолжает Ризанд. — И я безумно от тебя устал. От тебя и твоих идиотских выходок и сцен ревности. Но, как ни странно, твоё поведение мне оказалось на руку. О, милая жёнушка! Удачно же ты вляпалась. Дала мне повод официально избавиться от тебя. Посидишь в глухой дыре и пораскинешь куриными мозгами над своим поведением. И только попробуй выкинуть ещё какой-нибудь номер! Тогда я уже точно не сдержусь.

— Почему ты не разведёшься со мной? — упавшим до шёпота голосом спрашиваю, не поднимая на него глаза. В груди нарастает злость, которую я не могу выплеснуть. Опасно. — Раз так опостылела.

Дракон оборачивается. Хмыкает и делает шаг в мою сторону. Интуитивно подбираюсь и жмусь к столбу.

— Человек моего положения не может просто взять и развестись. Поползут слухи, меня снимут с должности Верховного Эмиссара. А так все будут думать, что ты тяжело больна и проходишь лечение в пансионате. Недугом можно оправдать твоё поведение, — криво ухмыляется. — Да и никогда не поздно расторгнуть брак. Но хочешь ли ты этого в действительности? Вернуться к бесхребетному отцу и мачехе? Могу устроить, но сначала ты ответишь передо мной, очистишь мою репутацию.

— Изгнанием? — кажется, я вслух это сказала....

— Именно.

Ничего себе подход! А сам продолжит изменять в своё удовольствие? Хотя какая мне разница?! Уеду и думать о нём забуду.

Но дракон будто мысли читает.

— Не рассчитывай от меня избавиться. Я буду навещать тебя, когда мне будет угодно. На этом наш разговор окончен, жена. Надеюсь, ты всё уяснила.

Мгновение смотрит на меня, хмыкает и уходит. Жду, когда его шаги стихнут за дверью и испускаю прерывистый

вздых.

Вот так второй шанс мне подарила судьба. Какая злая ирония! В прошлой жизни я умерла от тяжёлой болезни, а в этой должна играть роль смертельно больной ради репутации мужа-изменника. Но ничего. Я выпутаюсь как-нибудь.

Глава 6

Я всё ещё не двигаюсь, не осмеливаюсь пошевелиться. Мир вокруг кажется зыбким, словно сон, который вот-вот рассыплется, если его потревожить. Потому не сразу замечаю возвращение горничной.

Она испуганно переминается с ноги на ногу, потом, видимо, решается выполнить приказ, отданный ей Ризандом.

— Госпожа... — голос тонкий, как натянутая струна, едва слышный. — Вам нужно принять ванну и переодеться...

Я опускаю взгляд на платье, в котором сижу. Тяжёлое, тугое, стягивает грудь и талию. Турнюр на нервы действует.

— Хорошо, — отвечаю и послушно поднимаюсь с кровати, расставшись, наконец, со спасительным столбом.

Мара моргает, кажется, сбита с толку. Чувствую, что она ожидала криков, недовольства, может быть, даже пощёчины. Но я просто подхожу ближе и позволяю ей помочь мне.

Она ловко расшнуровывает платье, снимает его быстро, но осторожными движениями. Ткань шелестит и колется жесткими кружевами. На мне остаётся лишь нижнее бельё из золотистого шелка, тонкое, приятно охлаждающее кожу.

После нехитрых водных процедур, снова возвращаюсь в комнату. Все еще в оцепенении подхожу к зеркалу и рассматриваю себя. Миленькая, глаза слегка расширены от шока.

Возраста примерно моего - около двадцати лет. Только

Мишель успела замуж выйти, а у меня из-за болезни не было такой возможности. И личной жизни не случилось.

Любопытно, насколько Ризанд меня старше? С виду ему не больше тридцати....

— Вам велели надеть дорожное платье, — прерывает мои размышления горничная и подходит к шкафу.

И достаёт его - тёмно-синее, с простым, но изящным узором по подолу. Без лишних украшений, без корсета. Значит, в дороге мне хотя бы будет, чем дышать.

Я помогаю ей просунуть руки в рукава. Мягкая ткань ложится на плечи. Запах... чуть терпкий, с нотками лаванды. Чистое бельё из добротной дорогой ткани.

Когда переодевание заканчивается, горничная поспешно отступает и, не говоря больше ни слова, исчезает за дверью.

Я опускаюсь обратно на кровать. Смотрю на сундук, который почти полностью заполнен вещами, но они мне не принадлежат. Чужие платья, чужие книги, чужая жизнь.

Только теперь она – моя. И мне расплачиваться за ошибки прежней Мишель и терпеть ее муженька-дракона.

Дверь снова открывается. Мара входит с подносом и ставит его на столик рядом с кроватью.

— Вам нужно поесть, госпожа, — говорит она, но в её голосе нет ни капли заботы - скорее, услужливость и страх.

Ризанд же обмолвился, что я Мару извела, и она не желает со мной ехать в поместье. Что же прежняя Мишель творила в порывах ревности, а?

Смотрю на еду. Сначала чувствую запахи - тёплый хлеб, горячее тушёное мясо, пряные травы, сладковатый аромат выпечки, что-то солёное и терпкое.

О, как же приятно снова осязать и обонять! Кажется, я целую вечность не чувствовала вкуса пищи, не вдыхала ароматы.... Только лекарства да антисептики.

— Что это? — спрашиваю, скорее машинально, а желудок уже радостно урчит.

— Говяжье рагу с луком и морковью, хлеб с маслом, сыр, фруктовый настой, пирожное с мёдом и орехами, — перечисляет Мара.

Беру ложку и зачерпываю тушеное мясо. Оно горячее, мягкое, разваливается на волокна, пропитано густым соусом с ароматом перца и лаврового листа. Вкус... насыщенный, глубокий, но немного чужой.

Затем кусочек хлеба. Он свежий, хрустящий снаружи и мягкий внутри. Масло слегка соленое, тает на языке.

Делаю глоток настоя. Он сладковатый, с лёгкой кислинкой. Пахнет чем-то фруктовым и пряным одновременно - как компот или жидкий кисель, но с нотками корицы и гвоздики.

Ем медленно, смакуя каждый кусочек. В этом мире еда ощущается по-другому - ярче, насыщеннее. Может быть, потому что я так давно ничего не ела?

Последним пробую пирожное. Орехи похрустывают, мед растекается во рту мягкой тягучей сладостью. Я закрываю

глаза и наслаждаюсь моментом. Снова жива. И больше ничего не важно сейчас.

Доедаю последние кусочки пирожного, с трудом удерживаясь от порыва пальчики облизать. Я ведь училась на кондитера.... Вот только не успела диплом получить, болезнь подкосила.

Мысленно перечисляю ингредиенты, из которых лакомство приготовлено. Было бы интересно самой повторить рецепт.

Никто меня не торопит. Горничная убирает оставшиеся вещи в сундук и запирает его. Кладет на кровать дорожный плащ, на пол ставит кожаные полусапожки на шнуровке.

Снаружи доносится шум. Ржание лошадей, скрип колёс, короткие команды кучера. Я встаю, отодвигая поднос, и подхожу к окну. На мощеной площадке перед домом стоит экипаж - высокий, чёрный, с гербом в виде дракона на дверце. Возле него суетятся слуги, загружая мешки и пергаментные свертки, очевидно, с провизией.

— Пора, — осторожно сообщает Мара и помогает надеть плащ.

Глава 7

Двое слуг заходят в комнату и поднимают с обеих сторон сундук. Они избегают смотреть в мою сторону, словно я чуждая какая-то.

Слухи о том, что меня отправляют в ссылку, очевидно, разнеслись по всему дому. И никто не сожалеет. Как-то тоскливо на душе от этой мысли.

Делаю глубокий вдох, собираясь с духом, и поворачиваюсь к горничной:

— Проводишь меня?

Мара делает над собой усилие и кивает. Торопливо выходит вперёд. Вздыхаю и следую за ней.

Когда спускаюсь в холл, отец уже ждёт у входа. Стоит, опустив голову, руки сцеплены за спиной, выражение лица... потерянное.

Мариана и Милена чуть поодаль - мачеха держит дочь за руку, тонкие губы поджаты в сдержанном, почти удовлетворенном выражении. Милена с трудом скрывает радость, ее глаза блестят, хотя лицо сохраняет маску приличия.

Пф-ф-ф! Повезло же Мишель с родственничками, ничего не скажешь. Любопытно, отец в курсе планов Милены и Марианы? Они жаждут лишить меня всего - репутации, шанса на повторный брак, наследства! Если бы Ризанд расторг брачный договор и отправил меня в пансион ненужных жен,

то все перешло бы любовнице мужа. Я осталась бы опозоренной и полностью лишённой прав. Неслабо!

Окидываю их прохладным взглядом. Прежняя Мишель скучала бы по отцу, но разве что чуточку. Он ни разу не заступился за нее, не защитил от нападок этих двух змеюк.

Никто ничего не говорит. Слуги, затаив дыхание, наблюдают за сценой. Как все хотят от меня скорее избавиться, а?!

И когда я уже собираюсь переступить порог, отец касается моего локтя и нарушает молчание.

— Береги себя, — говорит он скрипучим голосом. В уголках морщинистых век собираются слезы.

Смотрю на него, печально улыбаясь, и ласково поглаживаю по плечу. Киваю.

— Конечно, отец. Ты себя тоже.

Он тяжело вздыхает и поджигает сочувствующе губы. Я перевожу взгляд на мачеху.

Мариана улыбается - вежливо, с лёгкой тенью триумфа.

— Надеюсь, ты поймешь, что это лучшее решение, — произносит она.

— Конечно, — выдаю я и широко улыбаюсь. С наслаждением отмечаю, как ее уверенность меркнет. — Я уже это отлично понимаю. Свежий воздух, деревенская тишина, отсутствие лицемерия и неприятных мне лиц... Невероятно освежает. Вы бы тоже попробовали, Мариана. Особенно в вашем возрасте.

Мариана возмущенно рот открывает, глаза на лоб выкаты-

вает, но молчит. Милена тоже ничего не говорит, только сжимает пальцы матери, как будто боится, что не сможет сдерживать эмоции и завизжит от радости. Наверно, уже мысленно планирует свой переезд в дом Ризанда? Вещи в моем шкафу развешивает.

От представленной картины губы сами собой растягиваются в улыбке. Качаю головой, отгоняя мысли. Пусть делают, что хотят. Мне абсолютно плевать!

Выхожу за дверь и глубоко вдыхаю. В теплом летнем воздухе витают ароматы душистых цветов, пестрящих в пышных ухоженных клумбах.

Слуги расступаются, когда я прохожу мимо. Они не кланяются, не прощаются - никто из них не сожалеет о моем уходе.

Кучер стоит у открытой дверцы экипажа, ожидая, когда я заберусь внутрь. А вот муженька не видно.

Поднимаю голову к окнам дома, но ни одна штора даже не дрогнула. Он даже не вышел проводить меня.

В груди холодеет, хотя я знала, что так и будет. Но всё равно... это чувство опустошённости и... ненужности прежней Мишель оставляет неприятный осадок. Ничего! Научусь контролировать ее эмоции, и проживем. Вдали от всех этих... упырей.

Когда уже собираюсь забраться в экипаж, позади раздаются шаги.

Тяжелые, уверенные, неторопливые.

Вздрагиваю и оборачиваюсь. Легок на помине... Ризанд.

Он подходит, щурясь на солнце. Светлые волосы отливают серебром, взгляд ледяной и презрительный. Ужасно колючий.

На мгновение кажется, что муженек скажет что-то важное. Но он лишь наклоняется ближе и тихо произносит:

— Я буду наблюдать за тобой. Не советую давать мне очередной повод, Мишель, — его дыхание с ароматом мяты шевелит волосы на виске. — Поверь, в Эйвендейле лучше, чем в пансионе ненужных жен.

Мои пальцы стискиваются в кулак. Он мне угрожает?

Отстраняюсь и поворачиваю голову. Встречаю его ледяной взгляд, затаив дыхание. Всматриваюсь в красивое лицо. И как с такими кристально чистыми глазами можно быть такой... сволочью?!

На его лице мелькает тень... удивления или сомнения. Он беззвучно хмыкает и ждет, что я начну оправдываться, умолять его передумать. Не дождется!

Отворачиваюсь и забираюсь в экипаж. Сажусь и закрываю дверцу прямо перед его лицом. Откидываюсь на мягкую спинку и прикрываю веки, мысленно торжествуя. Надеюсь, его самолюбие задето.

Колеса приходят в движение. Экипаж трогается и, мерно покачиваясь, едет к воротам. Я так и сижу с закрытыми глазами, пока мы не сворачиваем, и напряжение в груди не отпускает.

Глава 8

Смотрю в окно, как величественный белый особняк медленно, но неумолимо остается позади. Мимо мелькают городские пейзажи, ни капли не похожие на те, к которым я привыкла. Никаких высоток и торговых центров. Каждый дом как будто со старинной открытки сошел.

От красоты дух захватывает. Мы проезжаем фонтанную площадь и катим мимо базара. Между шатрами мелькают торговцы, погонщики с повозками, разносчики. Лавки с выпечкой наполняют воздух запахом свежего хлеба и ванили.

Наблюдаю, как величественные дома знати с их коваными воротами и высокими окнами уступают место более скромным строениям, как мощеные улицы сужаются, превращаясь в утопанные дороги.

Непривычно, и глазам все еще не верю. Да в голове не укладывается, что такое вообще возможно! Однажды проснуться в чужом теле, в чужом мире.... А ведь говорят - чудес не бывает! Тогда как назвать произошедшее со мной?!

Постепенно город отступает, растворяется в пыли, и вместо него появляются широкие поля, залитые утренним солнцем.

Снаружи сине-зелёная гладь лугов простирается до самого горизонта, и ветер играет в высокой траве, наклоняя её в одну сторону, как волны в море. Где-то вдалеке мелькают

фермерские домики, выращенные в тёплые цвета, пасутся стада овец и лошадей.

Напряжение окончательно отпускает. Приваливаюсь к мягкой спинке сиденья, позволяя себе расслабиться.

Едем долго. Иногда открываю глаза и отмечаю, как поля сменяются рощами, а затем начинается настоящий лес.

Экипаж немного трясёт, колёса скрипят, но этот ритм... успокаивает. Глаза слипаются, слышен лишь мерный стук копыт и приглушенные голоса кучера и его помощника.

Незаметно для себя засыпаю. А когда колесо экипажа попадает в яму, вздрагиваю и распахиваю глаза. Придвигаюсь к окну и изумленно открываю рот. Ого-о-о!

Колеса экипажа скрипят по дороге, когда мы въезжаем в деревню. Я ожидала увидеть заброшенные поля и пустынные улицы, но картина совсем иная.

Улицы вымощены камнем, пусть кое-где он потрескался и порос мхом. Дома разные - некоторые ухоженные, с палисадниками и цветами, но большинство видало лучшие времена.

Запахи окутывают пространство: дым от печей, жареное мясо из таверны, прелая листва и перегной в огородах. Слышны голоса людей, скрип телег, цокот копыт.

В центре деревни, возвышаясь над всеми остальными постройками, красуется огромный особняк.

Фасад чистый, ставни недавно покрашены, крыша новая, входные двери массивные, с позолоченными ручками. Рядом ухоженная ферма: аккуратные заборы, стойла, зернохрани-

лица, рабочие с повозками.

Всё это резко контрастирует с полуразрушенными домами бедняков с покосившимися крышами, треснувшими окнами и давно не ремонтировавшимися заборами.

Экипаж окончательно замедляется, скрипя колёсами по каменистой дороге. Я наклоняюсь ближе к окну, вглядываясь в мрачные очертания здания, раскинувшегося впереди.

Это... мой новый дом?

Старое поместье возвышается над холмом. Когда-то оно, вероятно, было красивым: высокие окна, увитые диким виноградом, резные ставни, массивные ворота из темного дерева.

Но сейчас его вид говорит сам за себя.

Фасад покрыт трещинами, кое-где штукатурка осыпалась, обнажив грубый камень. Витиеватая ковка на балконах покрыта ржавчиной, старые фонари у входа покосились и давно не горят.

Крыша не обрушилась, но кое-где черепица проваливается, оставляя зияющие проёмы, куда, вероятно, залетают ветер и дождь.

Экипаж останавливается, и я слышу, как кто-то приближается к воротам.

Перед домом выстраивается небольшая группа людей — трое мужчин и две женщины.

Они не склоняются в почтительном поклоне, как это делали слуги в доме Маккензи. Они просто ждут, наблюдая, как я выхожу из экипажа.

Первой вперед выходит женщина средних лет, невысокая, но с крепкой осанкой. Ее волосы стального цвета, собраны в тугий узел на затылке, а взгляд резкий, цепкий, как у человека, привыкшего к порядку.

— Леди Маккензи, — произносит она низким голосом, сдержанно кланяясь. — Добро пожаловать в поместье.

Спускаюсь с подножки экипажа, чувствуя, как под ногами

проваливается старая гравийная дорожка.

— Кто вы? — спрашиваю, глядя ей в глаза.

— Эдита Грей, ваша новая экономка, — отвечает женщина, держа руки сцепленными перед собой. — Меня и этих людей нанял ваш супруг, чтобы обслуживать вас.

Я едва заметно моргаю. Обслуживать? Неприятное слово, но ладно.

Но хуже всего, что эти слуги не служат мне. Они служат муженьку, наблюдают за мной по его приказу.

Прерывисто вздыхаю и киваю.

— Благодарю, Эдита.

Ветер треплет края моего платья, холодный, резкий - в горной местности воздух другой, свежий, но пронизывающий.

Совсем близко раздается блеяние и кудахтанье.

Оборачиваюсь. За домом, чуть поодаль, разваливается на части старый загон, рядом с которым мирно пасутся козы. Они щиплют траву, куры копошатся в траве, разгребая сухие листья когтями.

Подхожу ближе и вижу старый, заросший сад, яблони с кривыми ветками, усыпанные мелкими плодами, которые уже никто не собирает. Румяные персики, одичалая вишня....

А дальше - заброшенный огород, в котором теперь больше сорняков, чем культурных растений.

Останавливаюсь и поворачиваюсь к Эдите, которая идёт чуть позади меня ровной, размеренной походкой. Боится, что сбегу?

— Тот большой особняк с фермой, мимо которого мы проезжали... — я прищуриваюсь. — Кому он принадлежит?

Эдита слегка замедляет шаг. На мгновение уголок её рта дёргается, как будто она подавляет реакцию - возможно, ироничную, возможно, раздражённую.

— Наместнику и его семье, — коротко отвечает она. — Грегору Ландеру. Его дом. Его ферма. И... — она бросает взгляд в сторону деревни, где из-за деревьев виднеются крыши лавок, — практически все торговые точки тоже принадлежат ему.

— Все? — уточняю я.

— Почти. Те, что ещё не обанкротились или не перешли под «опеку». — Она делает паузу, а затем добавляет, едва заметно скривив губы: — Местные говорят, что он заботится о процветании деревни. Ну... по-своему.

Поворачиваюсь обратно к дому.

— А кто был прежним владельцем этого поместья? —

спрашиваю, пока мы с Эдитой поднимаемся по крыльцу.

Дверь скрипит, когда она открывает её, и мы заходим внутрь. Воздух прохладный, с лёгким запахом пыли и чего-то терпкого - дерева, воска и камня.

— Старый барон Фрейден, — отвечает она, направляясь по коридору вперёд. — Жил здесь с женой и сыном. Сначала умерла жена, потом куда-то исчез сын... Ну а сам барон остался один и не мог потянуть хозяйство.

Мы сворачиваем в длинный коридор с выцветшими гобеленами на стенах и тяжёлой мебелью у стен.

— До последнего цеплялся за дом, но долги росли, хозяйство пришло в упадок. Местные до сих пор говорят, что он всё ждал письма от короля, мол, о нём вспомнят. Не вспомнили.

— И тогда его выкупил Ризанд? — уточняю я.

— Да, — сухо кивает Эдита. — С выкупом не тянул. Поместье с живностью, огородами, полями. Все бумаги оформили быстро. Мы - я и остальные слуги - прибыли всего несколько дней назад. Убирались, чистили, проветривали. Готовили ваши покои.

Вот как?! Ризанд заранее готовился к изгнанию жены? Ну ничего себе поворот.

— А скотина? — бросаю взгляд в окно, где мелькают размытые силуэты коз, копошащихся у покосившегося загона.

— Никто не ухаживает, — Эдита останавливается и поворачивается ко мне. — Нас привезли обслуживать ваш быт, а

не поместье. Куры, козы, деревья - всё осталось от прежнего хозяина. Мы ничего не смыслим.... Простите, госпожа.

— А вы сами местные?

Эдита неопределенно пожимает плечами.

— Из соседней деревни. Там нет работы, наместник таверну и мельницу выкупил, все хозяйство под себя подмял. Да еще скотина гибнуть стала из-за плохой воды.... небезопасно там, госпожа. Мы с радостью согласились на предложение вашего супруга перебраться сюда.

Понимающе киваю и иду дальше. Странные дела, похоже, в округе творятся.

В коридоре раздаётся шум шагов и скрип половиц - это кучер и его помощник заносят в дом сундуки с вещами и один за другим сбрасывают на пол свёртки с провизией, пахнущие тканью, крупами, сыром, сушёными травами.

— Провизии хватит на три-четыре недели, — замечает Эдита, кивнув в сторону узлов. — Потом будем закупаться в деревне. Или... придется обращаться к лорду Маккензи.

— Разберемся, Эдита, — оглядываю зал, лестницу с вытертым ковром, тусклые картины на стенах с потемневшими рамами. — Не будем рассчитывать на моего супруга. Постараемся своими усилиями справиться.

— Но как же, госпожа? — заметно нервничает экономка, сжимает в руках край фартука.

Пресекаю ее жестом руки и разворачиваюсь лицом.

— Жалованье он будет вам регулярно платить, будьте уве-

рены. А вот что касается меня....Сколько домов вы уже подготовили для чужих жён? — спрашиваю я, не глядя на неё.

— Я не.... Простите, госпожа. Как скажете, — ровно отвечает она, и в её голосе не слышно ничего, кроме усталой твёрдости.

Удовлетворенно киваю и прохожу в кухню, но на пороге застываю и прерывисто вздыхаю. Ох-х-х, ну и ну!

Глава 9

Передо мной довольно просторное помещение. Кухня старая. Потолочные балки потемнели от времени и дыма, в углах видны лёгкие следы копоти, а штукатурка у массивной каменной плиты потрескалась.

Но чувствуется уют, как на бабушкиной даче, где всё не идеально, но на своих местах. Даже некая ностальгия охватывает на мгновение.

Пол выложен неровными каменными плитами, слегка прогибающимися под ногами. Старые буфеты с резными фасадами отмыты, но сохранили следы времени - царапины, потёртые ручки, местами облупившуюся краску. На стене большая деревянная полка с крючками, на которых висят медные и чугунные кастрюли, отполированные до матового блеска.

В центре кухни крепкий стол, накрытый тканым полотняным покрывалом с вышивкой по краю. Ножки у него шаткие, но держатся. Над ним висят сушёные травы: мята, чабрец, лаванда - всё в пучках, подвешено к балке под потолком.

— Мы привели всё в порядок, насколько смогли, — заходит следом Эдита. — Миссис Брент хозяйничает здесь. Она не потерпит беспорядка, но... — экономка проводит ладонью по плите, оставляя чистую полоску на камне, — возраст не скроешь.

Подхожу ближе к плите. Одна конфорка выщерблена, дверца духовки скрипит, но всё выглядит... надёжно. Как ни странно, мне безумно нравится. В детстве фантазировала,

как уеду далеко-далеко, поселюсь в стареньком домике и буду наслаждаться скромным уютом. Кто бы мог подумать, что однажды мечта сбудется, хоть и слегка коряво?!

— Миссис Брейнт? — переспрашиваю. — Кто это?

— Кухарка, — лаконично бросает Эдита и подходит к плите. — Она ненадолго отбыла на базар закупиться специями.

Вдоль стены тянется потемневший от времени буфет, на полках красуются фарфоровые тарелки с тонким синим узором, стопки жестяных банок с написанными от руки названиями трав: «тимьян», «гвоздика», «корица», несколько выцветших салфеток с кружевными краями. Похоже, кухарка постаралась.

Но самое интересное здесь - большая каменная печь, встроенная в нишу. Она сочетает в себе и старую бабушкину печь, обложенную кафельной плиткой в красный цветочек, и привычную мне газовую плиту с двумя конфорками. Слегка поцарапанная металлическая панель, но отполированная до ровного серого блеска. Одна из конфорок слегка наклонена.

Я подхожу чуть ближе к ней и говорю задумчиво:

— Плита выглядит надёжной. Она рабочая?

Эдита оборачивается и морщится от удивления.

— Плита? Простите, госпожа, что это такое?

Проклятье, забываюсь! Я чуть устало улыбаюсь, а пульс уже частит от страха. Надо быть осторожнее со словечками.

— Печь, — поправляю себя и легкомысленно возвожу

глаза к потолку, всплескивая руками. — У нас дома её называли плитой.

— Ах, понятно, — кивает Эдита, будто понимает, о чём речь, и снова вешает на лицо деловое выражение. — Да, печь рабочая. Дрова в сарае есть, золу вчера выгребли. Быстро разогревается, но если вы хотите что-то запечь, лучше топить заранее - прогревается неравномерно.

Я открываю тяжёлую дверцу и заглядываю внутрь - видно, что всё отчищено, только в углу ещё виднеется налёт копоти.

— А как подаётся вода? Колодец? Или придётся самим таскать? — оглядываюсь на медную прямоугольную мойку у стены с узором в виде виноградных лоз на небольшом фартуке.

— Водопровод, — сдержанно, но с явным оттенком гордости отвечает Эдита. — Милорд Маккензи велел восстановить подачу воды. На чердаке бак, его наполняет насос в подвале. Работает от артефактного сердечника. Давление бывает неравномерным, и иногда заклинивает кран в умывальной. Но в целом - вода поступает прямо в раковину и умывальную. Даже в уборную, пусть и с перебоями.

— Отлично, — признаю я, тихонько радуясь, что без горячей ванны я не останусь. — Для такого дома - очень даже. Эдита согласно кивает, потом смотрит в сторону небольшой двери в полу.

— Погреб - под кухней. Не очень просторный, но прохладный, чистый. Мы уже спустились. Часть провизии отне-

сут туда - сыр, яйца, мясо, сушёные продукты. Всё, что нужно сохранить подольше.

Я подхожу к старому столу с гладкой доской, натёртой до блеска. На нём лежат тканевые мешочки с сушёными яблоками и грушами, банка с засахаренными вишнями, горшочек с мёдом.

— Здесь бы испечь что-нибудь яблочное. В саду много яблок, — говорю мечтательно скорее себе, чем Эдите.

— Очень много, госпожа, — сдержанно улыбается она. — Даже слишком. Пчёлы и муравьи скоро заполонят сад, если их не собрать.

Дверь кухни с лёгким скрипом приоткрывается, и в проёме появляется девушка. Поворачиваю голову и встречаю её взволнованно-торжественный взгляд.

Глава 10

На девушке простое синее платье с чистым белым фартуком, на голове - чепец, из-под которого выбиваются пшеничные пряди. Щёки пылают, глаза блестят.

Она почти вбегает в кухню и делает самый неуклюжий реверанс, который я когда-либо видела (а видела я их немного, признаться). И при этом... улыбается так, будто повстречала королевскую особу, никак не меньше. Мне даже неловко становится.

— Госпожа! Простите, что не встретила вас раньше, я... я трижды проверяла, закипела ли вода для умывания, и... ой, я Элла! То есть не «ой, Элла», а просто Элла, служанка. Ваша! Ну, в смысле, приставленная к вам.

Она говорит быстро, почти на одном дыхании. И тут же замолкает, осознав, какой поток слов на меня вывалила. Её щёки вспыхивают ещё ярче, а взгляд становится умоляющим, как у котёнка.

Я едва сдерживаю улыбку. Эдита смотрит на неё с осуждением. Закатывает глаза и отворачивается, делая вид, будто поправляет занавески.

— Очень приятно, Элла, — спокойно говорю я.

— Пойдёмте, я покажу ваши покои! Они чудесные, правда! Мы всё проветрили, и занавески теперь совсем не пахнут мышами, и у вас будет настоящий балкон с видом! Там яблони, такие сочные! Вы сами их увидите, и... ой, простите! — Она снова краснеет и прикусывает губу.

Эдиту, того и гляди, удар хватит. Надо уводить девочку,

от греха подальше.

Киваю, приглушённо усмехаясь, и следую за Эллой, пока она, слегка подпрыгивая, почти как ребёнок, ведёт меня по коридору. Слышу, как за нашими спинами скрипят вёдра и перекликаются слуги, занося в дом последние свёртки с провизией.

— Здесь лестница. Осторожно на третьей ступеньке, она чуть скрипит... хотя, если наступить ближе к краю, вроде тише, — болтает Элла. — Вон там картина с лошадьми. Мастер говорил, что правая лошадь похожа на бывшего управляющего мелочной лавки. Хотя, по-моему, у лошади благороднее уши.

Я не выдерживаю и тихо смеюсь. Со мной ещё никто и никогда так не разговаривал. И уж тем более мои ровесники!

Элле же где-то около двадцати, не больше. Если до её появления я как-то держалась, то сейчас меня пробирает легкая дрожь. Безумно волнительно и непривычно. Даже не знаю, как к такому привыкать.

— Ты всегда так много говоришь?

— Только когда нервничаю, госпожа, — Элла виновато опускает глаза. — А я... почти всегда нервничаю. Но постараюсь делать это реже. Обещаю.

С этими словами она распахивает двери в мои покои с такой гордостью, будто ведёт меня не в спальню, а в тронный зал.

Смотрит большими глазами, приглашая войти.

Неторопливо перешагиваю порог. Комната просторная, залитая мягким светом. Воздух здесь свежее, чем внизу, пахнет деревом, выстиранным бельём и слабым, едва уловимым ароматом лавандового саше.

— Вот! — с явной гордостью восклицает Элла. — Мы всё вымыли! И кровать я взбила, — она надувает щёки, отбрасывая прядь волос из-под чепца.

Иду дальше и медленно провожу рукой по спинке кресла у камина, по гладкой полировке столика, по мягкому покрывалу на кровати.

— Всё выглядит уютно, — говорю я и печально вздыхаю.

Честно говоря, и предположить не могла, что доведётся пожить в подобных условиях. Да, всё ужасно старое и дышит на ладан, но... камин, балкон, сад! Кому как, а для меня лично - королевские условия. После бабушкиной дачи с деревянным туалетом за огородом и летним душем со шторкой - так уж точно.

Но отчего-то на душе не спокойно.

— Правда? — Элла вспыхивает от радости, не замечая моего настроения. — А балкон! Посмотрите балкон! Он чудесный, оттуда открывается вид... ммм... ну, как в сказке, честное слово!

Она бросается к двери и с хлопком распахивает створку. Скрип петель заглушается щебетом птиц.

Я выхожу, не хочу её обидеть. Балкон действительно чудесен! Резные перила, выюнки по краям, под ногами - деревян-

ный настил, который приятно пружинит под ногами. Внизу зеленеет сад. Густой, запущенный, но живой. Яблони, груши, душистые персики и... где-то в глубине кусты вишни.

И сразу же в голове: *вишня в карамели... персиковый тарт... яблочная галета...* Ох, я бы здесь разгулялась. Благо, ещё помню любимые рецепты десертов.

— Знаете, госпожа, — вдруг говорит Элла, глядя на меня в упор, — я жутко рада, что вы теперь будете жить здесь, а не в душном городе. О, простите! Я не это хотела сказать!

Я усмехаюсь, оборачиваясь к ней.

— Всё в порядке, Элла. Я тоже рада, на самом деле.

Она тут же виновато улыбается и, чтобы сгладить неловкость, бросается к боковой двери:

— А вот здесь уборная! Всё работает! Ну... почти всё! То есть...

Я открываю дверь и понимаю, о чём речь.

Пахнет слегка сыростью. Углы потемнели от влаги, кафель на стенах местами потрескался, раковина покрыта налётом, а кран булькает с подозрительным звуком.

— Ой-ой-ой... — Элла спохватывается и тут же бросается внутрь, словно может своим телом заслонить все недостатки. — Я всё отмою, клянусь! Просто у нас не дошли руки, а ещё Эдита велела не совать нос в краны, а Тарен - он у нас главный по всему, что скрипит и капает, обещал взглянуть вечером и... ну, всё подкрутить. Он, правда, не всегда спешит, но я на него надавлю. Очень вежливо, конечно!

Я смотрю на неё, на её покрасневшие уши, и не выдерживаю - смеюсь. По-настоящему, с облегчением. Она, конечно, болтает без умолку, а я привыкла к тишине. До больницы перестала общаться с друзьями, не хотелось никого видеть. А сейчас осознаю, что мне не хватает непринужденных разговоров, не касающихся моего самочувствия. Элла со своей детской непосредственностью прям глоток свежего воздуха. Думаю, мы поладим.

— Элла, ты чудо. Только не волнуйся! Мы справимся. Я не из тех, кто падает в обморок при виде пыли и капающего смесителя.

— Правда? — она сияет, как электрическая лампочка. — А я думала, вы будете... ну, как положено городским дамам. Они визжат, когда по стене ползёт паук. А он, может, тоже просто ищет свой угол! А ещё слухи разные ходили, — вдруг она умолкает и прячет испуганно взгляд.

Разворачиваюсь к ней лицом, хмурясь.

— Какие же?

— Ну... — мнётся, заламывая руки. — Точно можно говорить?

Киваю и смотрю на неё внимательно.

— О-о-х. Поговаривают, будто вы своих горничных обижали, ударить могли.... Но я смотрю на вас и не верится прям!

— Забудь всё, что обо мне слышала, Элла, — мягко говорю и вздыхаю, склоняя голову к плечу. — Здесь начнётся

моя новая жизнь, с чистого листа. О прошлой ничего и знать не хочу

— Как скажете, госпожа! — снова вспыхивает она и хлопает с готовностью ресницами. — Тогда какие будут распоряжения?

Закусываю изнутри щеку и осматриваюсь. Кстати, а что здесь с электричеством?

— Расскажи, как дела обстоят в доме с электрич... с освещением?

Она вдруг округляет глаза, губы дрожат. Черт, опять я ляпнула, не подумав!

Глава 11

Элла замирает и испуганно хлопает ресницами. Её губы дрожат.

— Электри... чем? — с трудом выговаривает.

Вот блин. Опять.

— Ну... свет. Лампы, освещение в доме, — пытаюсь объяснить я, делая жест в сторону торшера в углу.

— А-а-а! Вы про кристаллы свечения! — Элла прижимает руки к груди и с облегчением шумно выдыхает. — Госпожа, вы меня простите! Послышалось что-то...

Она смеётся, звонко, по-девчачьи. А у меня глаз дёргается. Ещё пара оговорок, и на костёр отправят. Или как тут расправляются с пришельцами из других миров?

Если вообще знают о них, разумеется.

И что за кристаллы свечения?! Ох, ё-моё. Как много ещё предстоит узнать и во всём разобраться....

— Значит так, — продолжает Элла с энтузиазмом, — у нас в доме магическая сеть низкого уровня, простая, но надёжная. В каждой комнате есть световые кристаллы, они проложены в стенах и соединены с сердечником в подвале. Он подпитывается энергией от рун на полу - и вот, свет есть!

— Рун? — уточняю я заинтересованно.

А у самой под ложечкой сосёт. Жуть, как такое запомнить и... понять?!

— Ну, такие светящиеся штуковины. На каменной плите. Когда все работают, в комнатах горят кристаллы. А если сердцевина устаёт, свет тускнеет. Раз в неделю её чистят и

подпитывают травами или особой солью. Это делает Тарен. Иногда, когда не забывает. Или когда Эдита рыкнет на него.

— И это... безопасно?

— Пока проблем не случалось, — хихикает Элла. — Один раз в прихожей мигало, так это потому, что мышь пробежала по контуру. Но теперь там ловушки!

— Мышь? — шёпотом уточняю и украдкой сглатываю. Вот же ж!

— Да, обычная мышь, — как ни в чём не бывало пожимает Элла плечами.

С трудом сдерживаю смех. Я мышей-то только в зоомагазине за стеклом видела. Но бабушка рассказывала, как на даче они под полом гнездо устроили. Как она с ними тогда намучилась....

Смотрю на горничную и невольно умиляюсь. Какая Элла живая и искренняя. И совершенно невозможная!

— Понятно, — рассеянно отзываюсь и делаю вид, будто в теме. — Отлично. Спасибо, Элла.

— Всегда пожалуйста, госпожа! Хотите, я покажу, как включать свет в вашей комнате? Там кристалл, который нужно повернуть, он с секретом. Правда, немного потрескивает. Но зато светит ярко!

Не дожидаясь моего ответа, воодушевлённая Элла бросается к стене. Её пальцы ловко находят едва заметную выемку в резной деревянной панели у двери. Она поворачивает скрытый рычажок, и в потолочном светильнике медленно за-

горається мягкое золотистое сияние.

Кристалл внутри слегка потрескивает, словно костёр в камине.

— Видите? Он немного капризничает, но свет даёт! Главное - не трогать его мокрыми руками.

— Вполне себе... Жить можно, да почти с комфортом, — бормочу я с усмешкой и оглядываю комнату, залитую теперь тёплым светом.

— Может, госпожа хочет переодеться? — оживляется Элла.

Коротко киваю и направляюсь к сундуку. Что же там Мара в него сложила? Я же понятия не имею, какой гардероб у Мишель... у меня, то есть.

Элла рвётся помочь переодеться, я мягко отказываюсь. Но она такая настойчивая... Позволяю расчесать мне волосы. И всё это с её нескончаемыми комментариями.

Потихоньку привыкаю к ней. Чувствую, соскучиться не даст! И не вижу в этом ничего плохого. Я устала от тишины.

Когда наконец спускаюсь по лестнице, одетая в простое платье приглушённого винного цвета, Элла семенит рядом, прижимая к боку связку ключей.

— Вы точно хотите пойти к курам, госпожа? Они не клюются... ну, нечасто. И козы не вредные! Просто у той, что с пятнышком на носу, характер, как у моей тёти Селины - может и боднуть.

— Я хочу осмотреть территорию, — спокойно говорю я.

— Дом снаружи, хозяйство. Хочу понять, с чем имею дело.

— Ну, с курами всё в порядке, — отмахивается Элла. — Разве что курятник покосился. А ещё у нас есть старый сарай, в которой захаживает соседский кот.

Через пару минут перестаю слушать её болтовню и воспринимаю фоном. Любопытно осматриваюсь, принохиваюсь к аромату полевых цветов и сырой почвы. Наслаждаюсь игрой света среди листвы старых деревьев.

Приставляю ладонь “kozyрьком” ко лбу и изучаю масштаб бедствия. Трава скошена только перед домом, а в саду - непроходимые заросли. Так не пойдёт.

Двор встречает нас тишиной и запахом зелени. Воздух тёплый, вечерний. За углом дома виднеются обветшалые деревянные постройки, одна с полусбитой крышей, другая с приоткрытыми дверями, внутри которой копошатся куры. Где-то дальше - козы, блеющие вразнобой, одна из них явно больше других недовольна жизнью.

— Сюда-сюда! Курятник у нас справа, за сараем! А козы - вон там, видите? Где вон то коричневое пятно на стене? Это она, Мурта, бодалась!

— Очаровательно, — бормочу себе под нос. — Придётся перевоспитывать.

Мы огибаем угол дома, и вот он, внутренний двор.

Курятник выглядит печально: кое-как прибитые доски, перекошенная дверь, перья в траве, и одна курица - крупная, с красным гребешком - уставилась на меня так, будто я

вторглась на её территорию.

— Это Грейси, — шепчет Элла, — её никто не любит, она всех клюёт. Даже Эдиту.

— Подозреваю, мы с ней найдём общий язык, — усмехаюсь я.

Грейси при этом топает в мою сторону, выставив грудь вперёд. Умилительное создание.

— Грейси! — Элла размахивает руками, пятась от враждебно настроенной курицы. — Нет-нет, клюнь кого-нибудь другого! Вот Тарена, например, он от работы отлынивает!

Курица ворчит и отходит в сторону, забывая о нашем существовании. Демонстративно клюёт что-то в траве.

Мы проходим мимо неё, и я останавливаюсь у следующего строения. Замечаю коз и мысленно считаю их.

Пять. Или шесть. Я не уверена. Они сливаются в одну блестящую массу. Одна встаёт на задние ноги, опираясь передними на остатки забора, и смотрит на меня с любопытством. У другой морда в паутине. И только самая маленькая - с белым носом и косыми глазами - подходит ближе и тычется мне в подол.

— Это Трюф! — весело объясняет Элла. — Она очень милая, почти как... собака. Только с бородой.

— Она мне нравится, — смеюсь и поглаживаю её по жёсткой шёрстке. — Ты успела всем дать имена?

Трюф весело блеет и лижет мой рукав. Пахнет она... ну, как неухоженная коза. Что, впрочем, логично. Уходом за

живностью надо заняться в первую очередь.

— Да, в первый же день обошла дом и посчитала всех мохнатых и пернатых жильцов, — кивет Элла. — Кормлю два раза в день, втираюсь в доверие, так сказать.

Иду дальше. Смотрю на сарай, и меня охватывает дурное предчувствие. Он наклонен, как будто собирается рухнуть с минуты на минуту от неосторожного дуновения ветра.

Дверь держится на одной петле, доски местами сгнили, изнутри доносится что-то вроде хруста. Или писка. Или шороха. Или всего сразу.

— И это... тот самый сарай, который соседский кот облюбовал? — спрашиваю я, прищурившись.

— Ну, чей-то дух или кот. Мы ещё не решили! — радостно говорит Элла. — Но он там шуршит. Может, мыши. Может, кот охотится на них?!

Смотрю на неё с плохо скрываемым ужасом.

— Так не годится, — бормочу я. — От мышей надо срочно избавиться.

— Как скажете, госпожа, — охотно соглашается девушка. — Передам ваше распоряжение Тарену!

Мы подходим ближе, и дверь со скрипом открывается от ветра. Внутри темно, но видны старые стеллажи, грабли, что-то вроде деревянного ведра. М-да-а. Дел неуворот!

Делаю шаг назад и наконец выпрямляюсь, осматривая двор. Всё в запущенном, но не катастрофическом состоянии. Многого требует рук.

— Ну что, Элла, — говорю я, глубоко вздыхая, — в саду заросли, в сарае мыши, а животине ночевать негде. И это только вершина айсберга.

— Айсберга?! — Элла удивлённо хлопает ресницами. — А что это?

— Потом как-нибудь расскажу, — отмахиваюсь, мысленно ругая себя за беспечность.

Но едва я решаю с головой уйти в хозяйские заботы, как вдали появляется чёрный экипаж, вздымая за собой клубы пыли.

Глава 12

Оборачиваюсь и разглядываю экипаж, щурясь на солнце. Большой, грузовой, с гербом, который уже начинаю узнавать по каштановой краске на щитах. Он принадлежит моему дражайшему муженьку.

Дыхание перехватывает. Неужели соскучился? Или резко передумал сплавлять меня в глушь? Зачем так скоро явился?

— Кто это? — шепчет Элла, но глаза у неё любопытно блестят.

Пожимаю плечами.

— Сейчас выясним.

Из экипажа появляются двое мужчин и начинают выгружать деревянные ящики, перевязанные грубыми верёвками. Один, особенно крупный, обшит по краям медными уголками.

— Что это такое? — спрашиваю я у проходящей мимо Эдиты.

Экономка чуть поворачивает голову, даже не останавливаясь.

— Это... станок, госпожа. Вышивальный. Милорд велел доставить. Там и принадлежности - пяльцы, нити, шёлк. Сказали, вы раньше... увлекались рукоделием?

Открываю рот, потом закрываю. Никакой страсти к рукоделию я никогда не питала, а вот настоящая Мишель... впол-

не возможно. Однажды я предприняла попытку - в восьмом классе сделала кривого ёжика в технике крестиком, да и тот разошёлся при стирке.

— Какой... заботливый у меня муж, — говорю я с такой искренностью и интонацией, что Элла прыскает в кулачок.

Он серьёзно полагает, будто я должна сидеть у окна и вышивать сутки напролёт? Даже на расстоянии решает, чем же на должна заниматься. Какое самомнение у дракона, однако.

Смотрю, как мужчины осторожно раскрывают станок. Выглядит как старинный, резной, с подвижными рамами. Станок с поворотной штангой, такими пользовались ещё в позапрошлом веке.

Откуда я знаю? Так у бабушки видела! Он принадлежал её бабушке и был дорог как память. Рука не поднималась выбросить. Вот он и пылился на дальней террасе.

Массивное основание, широкая деревянная балка, на которую натягивают полотно, и два боковых рычага, с помощью которых регулируется натяжение. Не игрушка - вещь. Добротная, увесистая. Такая, которую передают по наследству.

— Его раньше использовали в швейных мастерских, — добавляет Эдита, замечая мой хмурый интерес. — Вся ткань закрепляется сразу, можно вышивать целыми панно или шторы. Очень удобно, если знаете, с какой стороны за иглу браться.

Кошусь на неё холодно. Уела так уела!

— Интересно, — киваю я. — Надо будет как-нибудь... разобраться.

— Я могу помочь! — Элла подскакивает. — В детстве я набивала подушечки с ромашками. Немного смыслю....

Качаю головой и умоляюще на неё смотрю. И она туда же? Нет, вышивать я не умею. И даже пытаться не стану!

Но то, что Ризанд проявил некое подобие внимания вызывает нежелательное тепло где-то в районе солнечного сплетения. Как заноза. Приятная и раздражающая одновременно. Чувства настоящей Мишель всплывают, как фантомная боль. Надо как-то избавиться от них, иначе с ума сведут.

— Просто муж года, — бормочу я и разворачиваюсь к огороду. Хочу его осмотреть как следует.

— Госпожа, станок в ваши покои поднять? — спрашивает вдогонку Эдита.

— Ни в коем случае! — вырывается у меня. Останавливаясь, перевожу дыхание, успокаиваясь, и отвечаю через плечо, сдержанно улыбаясь: — Будьте любезны, отнесите в гостиную. Там света и пространства больше.

Подол платья цепляется за высокую траву и сухие репейники, прилипает к ногам там, где земля влажная. Шлёпаю по какой-то замаскированной лужице - холодно, неприятно, но назад не поворачиваю.

Элла плетётся следом, пыхтит, одной рукой придерживает чепец, другой размахивает, отгоняя насекомых.

— Вчера мы пытались пройти дальше, но колючки такие...

ух! — бодро рассказывает она. — Я бы их срезала, но не нашла косу.

Перед нами открывается вид на заросший, почти дикий участок, где когда-то, по всей видимости, были аккуратные грядки.

Под высокой травой местами виднеются следы междурядий, кое-где поблёскивают листья щавеля, ревения или чего-то смутно похожего. По краю — старая покосившаяся решётка, за которой растут дикая малина и чертополох.

Останавливаюсь, откидываю волосы со лба и чувствую, как кожа на щеках нагревается от лучей вечернего солнца.

— Мы нашли там тыкву. Вон под тем пнём. И что-то похожее на капусту, — Элла показывает, оживлённо жестикулируя руками. — Я могу вас провести, если не боитесь комаров и крапивы.

— Пусть крапива боится меня, — бросаю я и закатываю рукава.

Смех Эллы звучит позади лёгким, чистым колокольчиком. И почему-то он не раздражает.

— Мы можем заново разбить здесь грядки, — говорю я, мысленно расчерчивая участок. — Но сначала нужно всё перекопать, вырвать этот бурьян, соорудить ограждения. И зону для компоста. У нас же есть компост?

— Эм... там есть куча. За сараем. Очень ароматная. Думаю, это он и есть.

— Подойдёт. Главное — начать.

Детство, проведенное на даче у бабушки, прошло не даром. Некоторые тонкости я усвоила и даже прониклась. Выбора, правда, особого не было. Но многого я не знаю, так что буду действовать интуитивно. Да и прислуга наверняка разбирается в садово-огородных делах.

— Элла, а где у нас сарай с инструментами? Он вообще есть?

— Есть! Ну... почти, — говорит она с плохо скрываемым беспокойством. — Он тоже требует ремонта, госпожа.

— Конечно. Как же иначе.

Разворачиваюсь и иду по протоптанной козьей тропке, пробираясь сквозь траву и крапиву. Элла бежит за мной, подпрыгивая и то и дело спотыкаясь о сорняки.

— Там всякое лежит! Грабли, вёдра, метла, даже верёвка....

Мы почти подходим к покосившейся пристройке, когда оттуда выходит мужчина. И при виде него я, честно говоря, теряюсь....

Глава 13

В покосившемся дверном проеме сарая стоит широкоплечий, загорелый мужчина с пепельными волосами, собранными в короткий хвост на затылке. В одной руке у него полотно старой лопаты, в другой - новый деревянный черенок.

Он останавливается, чуть щурится, оглядывает меня с головы до ног и как-то загадочно качает головой.

— О! А вот и Тарен! — Элла почти поёт от радости. — Наш незаменимый. Починит всё, что не сбежит от него.

— Добрый день, — говорю я, чудом справляясь с изумлением. — Вы и есть наш... местный мастер на все руки?

— Зависит от того, кто спрашивает, — отвечает он лениво и с ноткой недовольства в голосе.

— Тогда сегодня вам повезло, — примирительно улыбаюсь. — Я - Мишель. Ваша новая...

Запинаюсь и не нахожусь, что сказать. А он заинтересованно брови приподнимает.

Как же правильнее будет представиться? Работодательница? Нет же, его Ризанд нанял. Госпожа? Звучит так себе.

— Тарен, ты чего?! — приходит на выручку Элла. — Это же наше новая хозяйка!

— Ну тогда я рад служить вам, госпожа, — ухмыляется он и кивает, заметно смягчившись. — Тарен. Просто Тарен, госпожа Мишель. Чиню, копаюсь, пилю - для вас все, что

угодно.

Девушка издает нервный смешок и прикрывает рот ладонью.

Он бросает на неё взгляд, как на любимую племянницу, которую вроде бы и нужно поругать, но жалко.

А вот Элла смотрит на него совсем-совсем иначе. С обожанием в больших, широко распахнутых глазах. Сразу становится ясно, что она испытывает к Тарену симпатию. Да, он красив и мускулист, вон какие бицепсы! Чувствую себя третьей лишней. Но не могу перестать глазеть на него.

Крайне удивлена, признаться. Неужели Ризанд нанял Тарена в услужение своей взбалмошной жене? Хм-м-м. Разве что он лично не встречался с новым персоналом, в чем я сильно сомневаюсь.

Да одни его руки чего стоят! Такими ладонями впору меч держать, а никак не лопату. И внешность весьма яркая для простого мастера. Занятно, однако.

— Инструменты вон там, — кивает он в сторону сарайчика. — Но если что-то возьмёте, потом верните. Я только начал ими заниматься и наводить порядок, многое пришло в негодность без должного ухода.

— Учту на будущее. Пока всего лишь осматриваюсь, — улыбаюсь уголками рта, и мы с Эллой направляемся к покосившейся двери.

— Он правда добрый, — шепчет Элла. — Просто кажется, что сварливый. На самом деле, Тарен всегда чем-то занят, а

Эдита считает, будто он лодырь. Но он не такой!

— Я тебе верю, Элла, — говорю я, тихо усмехаясь.

В сарае пахнет пылью, старым деревом, сеном и... заброшенностью. На крюках висят грабли с обломанными зубьями, лопаты с трещинами, ржавые вёдра, в углу - разваливающаяся тачка, одно из колёс которой покоится в паутине.

Мы обходим сарай и бредём к постройке, где держат скот. Навес полуразрушен, одна стенка наполовину осела, стойла пусты, засыпаны старым, пересохшим навозом. На крюках остались обрывки верёвок. В углу - истлевшая солома, немного сена сложено в шаткий стог, который рассыпается при малейшем дуновении ветра.

Козы сейчас ютятся где придётся. И я всё больше убеждаюсь: без капитального ремонта здесь не обойтись. Кормушки в щепках, перегородки между стойлами наполовину сгнили.

Козы с интересом наблюдают за нами, одна чешет бок о расшатанный столб, и тот жалобно поскрипывает.

— Нам нужно всё это укрепить. И корма нет, — вздыхаю, отступая к выходу.

— Я могу спросить у Бренни в деревне, — подхватывает Элла. — Её муж возит сено в Астренбург. Может, они поделятся тюком-другим.

— Нет, Элла. Нам нечем расплачиваться. Придётся самим косить сено и запасать. Смотри, у нас же луга вокруг заросшие и сочные! Осталось только... косу найти и заточить.

Уже собираюсь вернуться в сарай и попросить Тарена ко-

су приготовить, когда где-то в стороне, за старым рядом яблонь, раздаётся пронзительное кудахтанье. Похоже, кому-то из пернатых нужна помощь.

Щурюсь на солнце и оглядываюсь, иду на звук. Шаг за шагом по высокой траве, по забытым тропинкам сада. Элы семенит следом. Слышу, как вдалеке лает собака, и над деревьями проносится ветер, такой холодный, будто вот-вот дождь ливанёт.

Курица кудахчет всё ближе. Я почти бегу, придерживая подол платья, цепляющийся за траву. Отталкиваю ветки, продираюсь сквозь ежевичный куст и замираю.

Ну и ну!

Прикладываю ко лбу ладонь “козырьком”, гляжу в сторону дальнего края владений. За рощицей, где ограда давно развалилась, прямо за линией старых яблонь, земля уходит в серо-чёрное пятно. Что бы это могло быть?

Делаю пару шагов вперёд, всматриваясь. Передо мной чёрное выжженное пятно земли.

Почва потрескалась, зола сереет в траве, как старый пепел. Трава вокруг будто обожжена - редкие клочки, ломкие, рыжеватые, а в самом центре - обугленный ствол дерева, скрюченный и жуткий.

Курица бьётся у самого забора, отделяющего сад от того самого места. Застряла лапкой между досками и рвётся наружу, отчаянно хлопая крыльями. Покусываю щеку изнутри.

Нечего раздумывать! Надо птицу выручать.

— Элла... что это? — тихо спрашиваю я, подходя ближе к покосившемуся забору.

Но она не отвечает. Хмурюсь и оборачиваюсь, а девушка пятится. На ней лица нет.

— Элла?! — настороженно переспрашиваю.

Глава 14

— Госпожа-а... — тянет испуганно Элла. — Давайте уйдём отсюда.

— Уйдём, как только курице помогу. Не могу я её бросить вот так, понимаешь?

На девчонке лица нет. Чего она так напугалась? А-а, не важно! Не могу я оставить птичку вот так, в беде.

Направляюсь к покосившемуся забору, у которого мечется курица. Одна её лапка застряла в щели, и она бьётся, вырывается, хлопает крыльями.

— Тише, милая... — шепчу я, подходя ближе. Колени подкашиваются от вспышки страха, но я не останавливаюсь.

Невольно посматриваю в сторону подозрительного чёрного пятна. За покосившимся, поросшим мхом забором - мёртвое поле. Почва чёрная, с трещинами, будто её высушило до хруста. Ни травинки, ни соринки.

И поверх неё ползёт серый туман, тягучий, неспешный, стелющийся точно по границе забора, будто его что-то сдерживает.

Ну и жуть! В страшном сне такое не приснится....

Наклоняюсь и вытаскиваю курицу. Лапка у неё горячая, кожа под перьями почернела. Будто опалённая.

Сердце колотится, в ушах гул. Прижимаю курицу к груди и спешу прочь, оглядываясь через плечо. Туман шевелится,

словно поворачивается вслед за мной.

Быстро перебираю ногами, ощущая липкий холодок между лопаток. Эта чернота будто смотрит мне вслед. Брррр.

На крыльце дома нахожу ведро со свежей колодезной водой. Сажусь, держу курицу на коленях и аккуратно окунаю в воду лапку. Она дёргается, но не вырывается. Элла подаёт мне чистый носовой платок, выуженный из кармана платья.

С благодарностью киваю и смачиваю его в ведре. Аккуратно промакиваю кожу на лапке. Курочка ни бьётся, ни кудахчет, только дышит - медленно, глубоко. Смиренно терпит мою заботу.

Провожу по её спине ладонью, и чувствую, как тело под пальцами перестаёт дрожать. А внутри меня зарождается неясное тепло. Успокаивающая тишина и просто... желание, чтобы её боль ушла.

Лапка под моими пальцами становится снова жёлтой, здоровой на вид, ожог сходит, как плёнка.

Курица прикрывает глаза.

— Так ты расскажешь, что здесь происходит? — обращаюсь к Элле, притихшей у двери.

Она выпускает осторожный вздох и садится рядом на ступеньки, поджимает под себя ноги и крепко обнимает колени. Пальцы сжаты так, что костяшки побелели. Она смотрит на курицу, которая уже спокойно дремлет у меня на руках, и, сглотнув, говорит:

— Госпожа... вы ведь знаете, чьё это место было раньше?
Я бросаю на неё взгляд исподлобья и сдуваю свесившуюся прядь.

— Старый барон?

— Да, да. Барон Северан. Он жил здесь лет тридцать, с женой и сыном. Жена умерла, когда сын был ещё подростком... А потом - вот это... — Элла махнула рукой в сторону сада, за которым скрывается чернота. — Это случилось всего несколько месяцев назад.

Я молчу, продолжая гладить курицу. Элла дышит чаще, словно сама пугается собственных слов, но уже не может остановиться.

— Его сын, Хенрик, — она произносит имя, понизив голос до шёпота, — был уже взрослым, лет под тридцать, вроде как. Косил траву для скота... ближе к вечеру. И не вернулся.

Я замираю. Элла кивает, по-прежнему глядя прямо перед собой, словно рассказывает страшилку у костра.

— Барон пошёл искать его, когда стемнело. Думал, что он где-то уснул, свалился с ног от жары или что-то в этом роде. Но нашёл только пустое поле. Всю землю охватила чернота. А сына не видать. Ни тела, ни следов, ни косы. Даже ботинок не нашлось.

Она вздрагивает, стискивает край фартука.

— Барон сразу же обнёс всё забором. Люди говорили, что после того дня он не подходил к тому месту. Никогда. И... не смог больше жить в этом доме. Переехал к племяннице в

город, а поместье продал лорду Маккензи. За бесценок.

— Из-за выжженной земли?

— Да не только... — Элла понижает голос и наклоняется ближе ко мне. — Поговаривают, это был не первый случай.

Я напрягаюсь.

— Что ты имеешь в виду?

— За рекой, у южной границы деревни... лет шесть назад. Пропала пожилая супружеская пара. И на их месте тоже чернота и пепелище. Сначала люди думали, будто это пожар от дома перебросился на поляну. Но потом заметили, что огонь не тронул соседний сарай. И даже сухая трава вокруг осталась.

— То есть, дом сгорел - но только он? И поляна чуть поодаль?

— Ага. Точно как у барона - чёрное пятно и туман. Всё исчезло... А всю их скотину увезли на ферму наместника. Он велел, чтобы подальше от той земли держались люди. А у него... — Элла мнётся, — говорят, ферма его стоит под артефактами, под защитой.

Я молчу. Да и что тут скажешь?! Курочка на коленях дышит ровно. А у меня в груди - ледяной комок.

Чувствую, как холод ползёт по спине. Пальцы сжимаются на шероховатых перьях. А в голове мысли всякие крутятся. Что за чертовщина здесь творится, а?

Не так я представляла жизнь с чистого листа. Только мути потусторонней мне не хватало. Я же ничего не смыслю в

магии....

Глава 15

К тому моменту, как я захожу в столовую, запах тушёных овощей и домашнего хлеба уже уютно витает в воздухе. Вкуснотища!

Комната совмещена с кухней - большой деревянный стол, длинные скамьи, окошко с выцветшей занавеской в цветочек. У плиты хлопочет женщина в белом фартуке - крепкая, плотная, с седыми волосами, собранными в сетку. Она поглядывает на меня, словно не решаясь заговорить.

— Добрый вечер, госпожа, — здоровается, суетливо поправляя фартук. — Я - Грета, ваша кухарка.

— Рада знакомству, Грета, — вежливо улыбаюсь.

Рядом Эдита с отработанной точностью раскладывает ложки и тарелки, подкладывает сложенные полотняные салфетки. Слышен треск поленьев в очаге, где что-то медленно томится в чугушке.

— Не стоит накрывать для меня отдельно, Эдита, — говорю, приближаясь. — Я буду ужинать здесь. Со всеми.

Эдита поднимает на меня взгляд. Она не удивлена, но, кажется, немного... растеряна.

— Разумеется, госпожа, — ровным голосом отвечает. — Стол почти готов.

— Отлично, — я улыбаюсь и сажусь на скамью, разглаживая подол простого платья.

Элла вбегает в столовую с детской радостью на лице, тут же хватается за кувшин с водой, потом за хлеб. Она явно голодна как волк, но останавливается, вспомнив о приличиях. Да ещё Эдита на неё зыркает с осуждением.

Девушка откашливается и выпрямляется, точно школьница перед учительницей.

— Я, э-э, отнесу ужин Тарену! — выпаливает она. — Он... он в мастерской, чинит решётку у кладовой.

Эдита кивает. Элла хватает деревянный поднос с миской и ломтём хлеба и убегает, оставляя за собой шлейф ароматов.

Я, Эдита и кухарка садимся за стол. Искоса наблюдаю за Гретой. Строгая женщина, но с лицом, на котором слишком много морщин от смеха, чтобы быть по-настоящему суровой.

— Приятного аппетита, госпожа, — говорит она, пододвигая ко мне тарелку. — Овощи в пряном отваре и хлеб с травами. А на десерт - яблочные лепёшки. Просто, но сытно.

Я киваю с благодарностью.

— То, что надо.

Мы ужинаем в тишине, но это не неловкая тишина - тёплая, с хрустом корочки хлеба и тихим звоном посуды.

Когда Элла возвращается, взъерошенная и румяная, и начинает быстро уплетать свою порцию, я отставляю миску в сторону и оглядываю всех.

— Завтра займёмся сараями. Там всё разваливается, но, думаю, с чего-то надо начать. Привести в порядок кормуш-

ки, разобраться с заготовками сена.

Также нужно проверить, в каком состоянии кладовая. Погреб вроде держит, но мы в нём ещё не копались. Пока есть провизия, надо подумать, как организовать хранение в долгую. И понять, что можно пустить в дело из сада, пока не опало.

Эдита сухо кивает, Грета бросает взгляд на меня, прищуривается и, кажется, впервые улыбается уголками глаз.

— Серьёзный подход, госпожа.

— Лучше начинать сразу, — отвечаю, склоняя голову к плечу. — Дом слишком долго стоял без должного ухода. Не позаботимся — развалится.

Элла облизывает ложку и с восторгом подаёт голос:

— А ещё у нас есть курица, которой вы лапку спасли! Она, кстати, пошла к остальным и ведёт себя как ни в чём не бывало! Я её назвала Пухля.

Я усмехаюсь, покачивая головой:

— Прекрасно. Но если каждый раз давать имена скотине — потом никого не поднимется рука пустить в... хм-м-м пищу.

— Я не буду есть Пухлю! — заявляет Элла с решимостью.

Все за столом тихо смеются. Отчасти неловкая и напряженная обстановка разряжается.

После ужина не могу усидеть на месте. То поглядываю в окно, то кручу в пальцах салфетку, то ловлю себя на том, что снова мысленно перебираю список дел. В конце концов,

встаю, закатываю рукава и говорю, обращаясь скорее к самой себе:

— Ладно. Кто, если не я?

Элла успевает только пискнуть:

— Госпожа?..

Но я уже направляюсь к заднему выходу, на ходу накидывая простую рабочую кофту.

Сумерки ещё тёплые, воздух пахнет влажной землёй и яблоками, что глухо падают где-то в саду. В загоне для скотины грязь вперемешку с остатками сена, корыта перевернуты, одна кормушка наполовину сгнила. Ветер проносит по двору парочку рыжих перьев.

Сквозь щели в покосившемся сарае видны груды слежавшегося сена, почерневшего от влаги, а где-то за ним - заваленный хлам: полусгнившая деревянная стремянка, обломанные вилы, сломанная колесная ступица. Всё нужно разобрать.

— Ну ничего... — шепчу я. — Главное - начать.

Захожу в загон, отталкиваю в сторону старую скрипучую дверь. Беру метлу, старое ведро, начинаю откидывать гниль и грязь, скоблить, выносить хлам.

Вскоре появляются трое коз, что пасутся у загородки. Сначала наблюдают издали, потом начинают подходить, топая копытцами по вытоптанной земле.

— А вы чего? Помочь пришли?

Одна - рыжеватая, с ухом, что смешно торчит в сторону, встает рядом, наблюдает с важным видом. Вторая - белоснежная, пытается лизнуть мою кофту. Третья - молодая, смешно чихает и путается у меня под ногами.

— Если бы вы умели держать метлу, дело бы пошло быстрее, — фыркаю я, отгоняя самую любопытную. Та тихонько блеет и довольно поднимает хвостик.

Увлечённо тру старую кормушку, когда за спиной раздаётся звук торопливых шагов.

— Госпожа?!

Эдита! Да что ж ей неймётся-то всё?!

Обернувшись, смотрю на неё, наморщив лоб. Экономка стоит, чуть приподняв подбородок, глаза горят. Даже в сумерках видно, что её щёки пылают, а пальцы вцепились в подол фартука.

— Что вы делаете?! — Она не кричит, но голос дрожит на грани сорваться. — Это... это загон! Вы... вы в грязи! С вилами! Среди скотины и навоза!

— А что? — я вытираю лоб рукавом, при этом ощущаю на носу пыль и, вероятно, сено в волосах. — Надо с чего-то начинать, разве нет?

— Вы - не работница! Вы - хозяйка поместья! — Эдита шагает ко мне, ее голос все-таки срывается. — А если лорд Маккензи узнает?! Он... он спросит, почему я допустила, чтобы вы возились в грязи, как деревенская девка! Он же меня уволит и выгонит без жалования! Я... я отвечаю за вас,

госпожа!

Я молча смотрю на неё. Нет, подумать только! Поставил надо мной надсмотрщицу!

Муженёк считает, будто мне вышивального станка за глаза и за уши хватит для комфортного существования?! А разруха вокруг дома - гори всё синим пламенем?! Ха!

У Эдиты дрожат губы, а в глазах читается вовсе не злость, а страх. Страх за свою шкурку и... стыд. За меня. Или за себя?

Я опускаю вилы, выпрямляюсь, медленно подхожу ближе. — Эдита, — говорю мягко, но твёрдо. — Я не собираюсь быть фарфоровой куклой и сидеть, сложа руки. Этот сарай того и гляди прогниет и сложится на ветру. И если я хочу, чтобы он ожил - должна начать с того, что могу сделать своими руками. Своими - понимаете? Никого нанимать для этого мы не станем. Муж отправил меня сюда без средств к существованию. И неизвестно - на сколько. Вероятнее всего - навсегда.

Она не отвечает сразу. Только переводит взгляд на коз, которые с интересом смотрят на нас обеих, будто что-то понимают.

— Завтра я разберусь с курятником. Он почти развалился, — продолжаю, вздыхая. — И нужно косить траву для коз - вон той косой у стены. Только пусть Тарен её как следует заточит. А ещё нужно починить навес для сена и собрать доски для новых кормушек. Вы сможете найти плотника в

деревне?

Эдита поджимает губы. На секунду кажется, что она сейчас позволит себе заплакать от отчаяния - какая хозяйка непутёвая попалась, а?! Но нет. Она справляется. Вдох. Выдох.

— Да, госпожа. Смогу.

— Отлично, — я улыбаюсь. — Тогда пусть он осмотрит сарай. У нас с ним впереди долгая история.

— Но что я скажу милорду? — с нажимом говорит экономка и хмурится. — Как объясню?

— Значит так, — говорю я, выпрямившись и сдувая прядь волос со лба. — Если вы правда боитесь, что милорд узнает, чем я тут занимаюсь, тогда есть только один способ спасти и меня, и вас.

Эдита, и без того бледная, становится еще блее.

— Простите... какой?

— Какие у вас с ним договоренности о денежном снабжении? Он средства вам даёт на обслуживание дома? На восстановление хозяйства, на кормушки, на сарай, на плотника, на хотя бы одну нормальную лопату нужно золото.

Она сжимает губы, тяжело выдыхает и, кажется, решается.

— У нас... есть определённая договорённость, — начинает она тихо. — Когда милорд приобрёл это поместье, он... понимал, в каком состоянии оно находится. Поэтому перед отъездом он поручил, чтобы я раз в неделю составляла перечень необходимого. Продовольствие, инструменты, одежда

для слуг, расходные материалы. Я... составляю список, передаю его посыльному, он приходит по утрам, забирает - и к вечеру следующего дня всё доставляется. Так было единожды перед вашим приездом и без лишних вопросов.

Внимательно смотрю на неё. Эдита опускает взгляд, потом снова поднимает и добавляет чуть строже:

— То же самое касается финансовых нужд. Если требуется серебро - на оплату труда местным, закупку дров, сезонные нужды - я прошу определённую сумму, обосновываю это письменно. Он не отвечает письмами, просто пересылает средства через посыльного. Так мы договорились в день моего приезда в поместье.

— Прекрасно, — я киваю. — Тогда с завтрашнего дня вы будете вносить в список всё, что я назову. В полном объёме. Если милорд вдруг захочет узнать, зачем это нужно - вы говорите ему: поместье в плачевном состоянии, постройки угрожают обрушиться. Поняли?

Эдита молча кивает. Щёки у неё всё ещё пылают, но теперь в её позе и взгляде меньше паники, больше сосредоточенности.

— И ещё одно, — добавляю, вытирая ладони о подол. — Попросите плотника на завтра к обеду. Пусть осмотрит курятник и загон. А посыльному утром приложите перечень: доски, инструменты, гвозди, полотно для крыши. И... крупу. Яблоки у нас есть, но пироги на одних яблоках не испечёшь.

— Вы хотите... печь?

— Я хочу, чтобы дом пах не только пылью и прогнившим деревом, Эдита. И чтобы фрукты не пропадали. И есть у меня одна идея по их утилизации. А завтра вы поведаете мне о местном населении и... слухах.

Глаза Эдиты на миг округляются, но она быстро берет себя в руки. И коротко кивает. Что ж, начало положено! А завтра я составлю полный перечень необходимых материалов и буду потихоньку подсовывать его экономке, чтобы не вызывать подозрений у Ризанда и её не подставить.

Но утро начинается совсем не так, как я рассчитывала.

Глава 16

Ночью лежу под тяжёлым, но тёплым одеялом, в большой кровати с высокими изогнутыми спинками. В комнате прохладно. Пахнет деревом, что долгое время вбирало в себя дым и сырость дождя, сухими цветами и пылью, несмотря на усилия Эллы. Она настолько глубоко въелась, что одной влажной уборкой не обойтись.

Дом издаёт звуки - где-то на чердаке трещит оконная рама, в коридоре ветер перебирает занавески, а подоконник скребёт ветка вишни. Ночной мотылёк бьется о стекло. Первая ночь в новом мире, в новом теле..... В чужом доме.

И пока мне нравится. Не то, чтобы прям всё, есть один нюанс.... Но и с ним я справлюсь, уверена. Всему своё время.

В голове столько идей крутится! Привести двор в порядок, навести красоту в саду и огороде. Не заскучаешь в деревне. А ещё... так хочется заняться выпечкой! Фрукты и ягоды повсюду, на любой вкус. А рецептов пирогов и тортов я знаю уйму.

Не замечаю, как засыпаю, вдыхая запах, сочащийся в открытую форточку, сотканный из смеси спелых яблок, воска и чистого полотна.

Будит меня тихий стук по стеклу. Поначалу не понимаю, где нахожусь. Но, приоткрыв глаза, вижу: за ставнями золо-

тится рассвет, и одинокая ветка вишни легко касается окна. Я в поместье, ничего не исчезло, не приснилось.

Тянусь и сладко зеваю, аромат свежей выпечки щекочет ноздри и пробуждает аппетит. Но не просто хлеб - что-то с яблоками, с корицей, с тёплой кислинкой компота, с масляной ноткой.

Точно, яблоки! Ими нужно заняться. Компот закрыть, пироги испечь, засушить - да что угодно! Только бы банки нашлись с крышками.

Встав с кровати, иду к умывальнику. Прохладная вода сразу бодрит. Волосы заплетаю в косу, затягиваю тёмной ленточкой. Надеваю простое, льняное платье с поясом, гладкое и аккуратно отутюженное заботливыми руками Эллы.

Спускаюсь в кухню. Грета колдует у плиты, где на медленном огне запекается что-то в большой глиняной форме, а рядом подрумяниваются пшеничные лепёшки на чугунной поверхности.

На столе стоит глиняный кувшин с компотом, рядом - маленький горшочек с мёдом, сливочное масло в резной мишочке, и ещё тёплый хлеб с хрустящей коркой, на которую ложится золотистое масло и тает.

Делаю шаг к столу и меня будто молнией поражает. Козы! Их же доить надо! Охватываю себя руками, взгляд мечется по кухне. К горлу подкрадывается паника.

— Проснулись, госпожа, — улыбается Грета, бросая в печь щепотку укропа для пряной картошки. — Не успеете

глазом моргнуть, а уже полдень будет. Садитесь, пока горячее.

— Ага! А я уже стол накрыла, пока Эдита занята в погребке, — гордо сообщает Элла.

Оборачивается, смотрит на меня, и ее улыбка мрачнеет.

— Что случилось, госпожа? — у девушки уже глаза влажно поблескивают. — Я что-то не так сделала?

Улыбаюсь уголками рта и качаю головой, расплетая руки.

— Нет, милая. Ты - настоящая умничка! Но вот я... Я забыла про коз. Их же надо доить. А я никогда этого не делала.

Элла громко выдыхает и прикладывает ладони к груди.

— Напугали вы меня, — посмеивается, заливаясь румянцем. — Не беспокойтесь, госпожа! Я всё сделала. Матушка держит коз, так что я умею с ними обращаться. Свежее молочко уже в погребе.

С облегчением опускаю плечи и улыбаюсь искреннее.

— Спасибо, милая. Что бы я без тебя делала?!

Сажусь за стол и тянусь к чашке с чаем. Делаю глоток - чай душистый, с мятой и чабрецом.

— Спасибо, Грета, — говорю кухарке и кусаю тёплую лепёшку.

А она ещё и с начинкой из тушёных яблок с медом, орешками и корицей! Ничего себе, вкуснота какая!

Элла жуёт рядом, вытирая руки о подол, и вполголоса щебечет про то, что сегодня нужно налить козам свежую воду, потому что Пухля, видите ли, плескалась во вчерашней, а

ещё - надо перебрать яйца, вдруг есть с трещинами.

Я смеюсь, допиваю чай и встаю из-за стола.

— Пошли. Пора и делом заняться.

Во дворе свежо, роса ещё поблёскивает в траве, как рассыпанные бриллианты. С каждым шагом подол моего платья намокает, цепляя капли.

Воздух пахнет сырой землёй, скошенной травой, дымом от печей в деревне и чем-то смутно сладким - спелыми сливами, наверное, в глубине сада.

Вчера мне так и не удалось его полностью осмотреть и оценить количество пропадающих фруктов. Надо заглянуть к Тарену. Надеюсь, он уже наточил косу.

Мы с Эллой идём по тропинке, вымощенной булыжниками, к загону. Ведро тяжелеет в руке, вода плещется на пальцы - прохладная, свежая, набранная из колодца.

Козы уже ждут у ворот - одна подпрыгивает, другая тянет шею, третья бодает старую кадку, требуя внимания.

— Сейчас, сейчас, — бормочу я, отвечая на их протяжное блеяние. — Терпение, дамы.

Ставлю ведро у первой поилки, беру черпак и начинаю сливать старую мутную воду, в которой барахтается перо и какой-тодохлый жучок.

— Похоже, кто-то ногами в поилке стоял? — возмущённо отмечаю и отгоняю самую деловую от своих ног.

Коза в ответ фыркает и настойчиво тычет мне носом в бедро. Элла с другой стороны двора уже щебечет:

— А эта, с серым пятном, только что вылила воду из корыта! Прямо носом! Умная, но вредная.

Коза в ответ фыркает на Эллу и трясёт бородой.

Мы хохочем. Я вытаскиваю старое корыто, переворачиваю, вытряхиваю донце - оно скользкое, пахнет сыростью и терпкой землёй. Что ж, придётся немного повозиться.

Отправляю Эллу в дом за горячей водой и тканевыми перчатками. Других же здесь не водится....

Ополаскиваю корыто, заливаю успевшим остыть кипятком, тру дно крапивой, не дело в грязное наливать. И наполняю свежей водой. Козы тут же сбегаются и, не дожидаясь разрешения, тычутся мордами в поилку.

— Потерпите, ну! — качаю головой. — Шустрые наши.

На лугу, в отдалении, мерно движется коса. Я выпрямляюсь и оборачиваюсь на звук. Вытягиваю шею и сразу узнаю Тарена. Он работает уверенно, шаг за шагом, оставляя за собой ровные полосы свежего, влажного сена.

— Ну вот, опередил меня, — улыбаюсь. — Ну ничего, дел на всех хватит.

Идём с Эллой к курятнику. Деревянная калитка скрипит, где-то в соломе хлопает крыло.

Курочки уже несутся к нам. Впереди - самые наглые, за ними едва поспевает чернушка, переваливаясь с лапки на лапку. Другая крупная курочка возмущённо кудахчет, будто мы опоздали. Пухля замыкает процессию. Выглядит бодрой

и здоровой, лапка целёхонькая. Хм-м-м-м.

— Вот, держите, — Элла берёт из мешочка зерно, смешанное с кукурузой, и бросает горстями на землю. Курочки кидаются к еде с деловитым азартом.

Я проверяю гнёзда, осторожно заглядываю внутрь - одно яйцо, два, ещё... С отколотой скорлупкой. Откладываю в сторону.

— Прогресс, — улыбаюсь. — Завтра, глядишь, будет на завтрак омлет на всех. И на выпечку останется.

Элла кивает и сияет:

— Я могу пожарить! Если Грета к печи подпустит, конечно.

— Подпустит, ей лишние руки не помешают, — смеюсь. — Но ты следи за Пухлей. Вон она уже решила, что зерно только её.

Та самая курица с вылеченной лапкой гордо выпячивает грудь и отгоняет других кур. Элла ахает и шикает на неё, размахивая рукой.

Я уже собираюсь отправиться в сад, как вдруг Элла сжимает моё предплечье.

— Смотрите!

Я поворачиваю голову. Со стороны деревни, по главной дороге, в облаке пыли приближается экипаж.

Чёрный, лакированный, высокий, с гербом на дверце - золотая птица с расправленными крыльями. Кони темны, как ворон, сбруя блестит, а на козлах восседает возничий в фор-

менной тёмной куртке.

По спине скользит холодок.

— Кто это?

Но она не отвечает. Смотрит настороженно, пожимая плечами.

Колёса экипажа замирают в паре десятков шагов от калитки. Пыль медленно оседает, и в наступившей тишине слышно, как лошадь бьёт копытом по булыжнику, недовольная остановкой.

Дверца открывается, и на землю выходит мужчина в расшитом синем камзоле с тростью в руке, у которой наверху в виде медной головы ящера.

И я с первого взгляда понимаю, что он мне неприятен.

Глава 17

Смотрю на него, а он на меня - изогнув кустистую бровь. Явно кого-то другого ожидал увидеть.

Мужчина широк в плечах, но тело рыхлое. Кожа красноватая, пятнистая, с пористой щекой и глубокими морщинами. В уголках глаз весёлые лучики морщинок, но в самих глазах - ни капли тепла. Только живой интерес, смешанный с хищной оценивающей искрой.

— Ну-с, доброе утро, доброе утро, — сипло проговаривает он вежливым тоном. — Какая прелесть... А где же милорд Маккензи?

Из окна экипажа выглядывают два лица - относительно молодых, но уже оплывших от праздного образа жизни. Один с прищуром крутит во рту соломинку, сквозь зубы, и так пялится на меня, будто на товар на сельской ярмарке. Второй покрупнее, почти полностью лыс и скалится уголком рта. Взгляд у обоих сальный, наглый, бестактный до тошноты.

— Милорд в отъезде, — отвечаю я ровным голосом. — Чем могу помочь? Простите, вы....

Он с важным видом склоняет голову.

— Грегор, наместник в этой славной деревушке. Для вас - просто Грегор. А это - мои сыновья, Ларс и Йозель. А вы, миледи... — он снова прищуривается, небрежно огляды-

вая моё скромное платье и запылённый подол, — ...должно быть, прислуга милорда?

Мои пальцы машинально сжимаются в складках юбки. Делаю полшага вперёд, приподнимаю подбородок.

— Я - его супруга. Леди Маккензи, — говорю отчётливо и спокойно, наблюдая за его реакцией. — А вы... пожаловали с визитом без предупреждения?

Возможно, я излишне дерзка, но он сам хорош! С манерами явно не дружит, мнит себя слишком важной персоной, чтобы их соблюдать.

Глаза Грегора чуть округляются, и он на миг теряет ту самую добродушную маску, но быстро её возвращает, приподнимая брови и улыбаясь.

— Ну что вы, неужели? Это... неожиданная новость. Не обижайтесь - наряд-то скромный. Я вовсе не хотел вас обидеть, — разводит примирительно руками.

— Всё в порядке, — коротко киваю. — Так вы хотели видеть моего супруга?

— Я прибыл с чисто дружеским визитом к новому владельцу поместья, так сказать, — морщится Грегор и издаёт тихий смешок. — Уж очень мне любопытно было, кто купил старое гнездо Северана. Не ожидал встретить такую прелестную... хм... хозяйку.

Я сдерживаюсь, чтобы не показать, как он мне неприятен и послать его к чёрту. Но в этом мире леди себя так не ведут. А зря!

— Вы опоздали на день. Милорд уехал по делам, — вдохновенно лгу с милейшим видом. — Но я распоряжусь, чтобы вас известили, когда он вернётся.

Грегор склоняет голову. Отмечаю, как сжимаются его пальцы на набалдашнике трости, и как в салоне экипажа сыновья переглядываются с интересом. Эти типы бандитской наружности даже не соизволили соблюсти приличия и выйти поздороваться с дамой. Может, и к лучшему. Меня от их вида оторопь берёт.

— Ну-ну... Что ж, добро пожаловать в Эйвендейл, леди Маккензи. У меня деловое предложение к вашему супругу, но раз здесь хозяйка - вы, мы могли бы договориться с вами и быть друг другу полезными. Поговорим об этом в следующий раз, — косится мне за спину на высыпавших на крыльцо слуг и отводит взгляд в сторону сада. — А пока, может быть, я всё же осмотрю окрестности? Любопытство, сами понимаете. Знаю, это не по протоколу, но у нас тут не столичная канцелярия.

— А у нас здесь хозяйство, а не выставка. Простите, но в ближайшие дни будет много работы. Курятник, сарай, кормушки, вы уж понимаете, — я сухо улыбаюсь и слегка всплескиваю руками. — Милорд, конечно, даст вам аудиенцию, когда вернётся из столицы.

Я уже готова солгать любую чушь, только бы он отстал. И его сыновья-братки не таращились на меня липкими взглядами. Чего им надо, а?

Грегор на мгновение замирает, потом смеётся - громким лающим смехом.

— А вы не промах, миледи. Со стороны лорда Маккензи... весьма неожиданно оставить тут даму одну. Опрометчиво.

— Он доверяет мне, — я бесхитростно улыбаюсь.

Замоей спиной раздаётся глухой стук - коса ударяется о ствол дерева. Я поворачиваю голову. Тарен отряхивает ладони и смотрит в нашу сторону настороженным взглядом.

Странно, но я улавливаю в нём некую схожесть с Ризандом. В повороте головы, в мимике. В том, как лоб морщит....

— Что вы, что вы! — тараторит наместник с воодушевлением. — Я ничего такого не хотел сказать. Только подумал предложить вам помощь. Такая хрупкая леди и столько работы по хозяйству.... А у меня есть работники. Могу прислать....

Останавливаю его жестом руки и сдержанно улыбаюсь. Улавливаю приближающиеся тяжелые шаги, шуршащие по траве. Но не оборачиваюсь. Знаю, кто идёт, и даже плечи расправляются.

— Прошу, не стоит беспокоиться. Мы справляемся.

Тарен пригибается под яблоневою ветвью, клонящейся под тяжестью плодов почти до земли. Он оставил косу на срезанной полосе и, не торопясь, идёт в нашу сторону.

Высокий, широкоплечий, в простой рубаше, мокрой от росы, с хищной походкой. Ему бы стражником быть....

Он приближается, не говоря ни слова. Просто встаёт чуть в стороне, за мной, но чётко в поле зрения гостей. Приваливается плечом к крыльцу и скрещивает мощные руки на груди.

Взгляд Грегора перемещается к его лицу, оценивает. Рука сжимается на набалдашнике трости.

Маленькие глазки быстро пробегаются по плечам Тарена, по широкой груди, по затянутой поясом талии. Лицо его при этом не меняется, но... я чувствую, что он взвесил и понял, что я тут вовсе не одна. Есть, за кого спрятаться.

Сын с соломинкой перестает улыбаться.

Я же поворачиваюсь к Грегору и, чуть склонив голову, произношу вежливо:

— Простите, но дела не ждут. Если хотите встретиться с милордом, я ему передам.

— Ну-ну, зачем же так официально?! — натянуто смеётся Грегор. — Я всего лишь познакомиться хотел. Надеюсь, мы ещё побеседуем... леди.

Я не отвечаю. Только улыбаюсь. Вот ещё! Не нужны мне такие собеседники.

Грегор делает шаг назад, подаёт знак кучеру. Замечаю, что сын с соломинкой задерживает на мне взгляд чуть дольше, чем следует, и улыбается так, что хочется поморщиться и сплюнуть в сторонку.

Провожая их глазами, пока экипаж разворачивается. Ко-

лёса скрипят, пыль клубится в воздухе.

И только когда экипаж исчезает за поворотом, я выдыхаю.

— Элла, — говорю, не глядя. — Напомни мне повесить замок на воротах. И узнать, как часто они сюда заглядывают. Потому что эти ребята мне совершенно не нравятся.

Кажется, я нажила себе врага на ровном месте. Тьфу ты!

Глава 18

— Только не дышите глубоко, госпожа, — предупреждает Элла, открывая скрипучую дверцу в курятник.

Я делаю шаг внутрь и тут же смесь перьев, пыли и чего-то затхлого бьёт в лицо.

— О боги, — выдыхаю я, прикрывая рот ладонью. — Здесь курицы живут или стая гарпий?

— Хороший вопрос, — весело отвечает Элла.

Под ногами мягко шуршит слой старой соломы, перемешанной с помётом. Куры, как ни странно, не возмущаются — топчутся вокруг, щиплют зерно в пыли, вытягивают шеи, наблюдая за нами с явным недоверием.

— Ладно, — вздыхаю я, закатывая рукава. — Пора браться за работу. Глаза боятся, а руки делают.

Работа начинается с извлечения старой соломы. Я сгребая её вилами, а Элла открывает заднюю дверцу, ведущую в загон, чтобы вытащить мусор. Сено хрустит, пыль поднимается столбом, и мы обе чихаем в унисон.

— Вам бы платок на голову, госпожа! — отмечает Элла, уже вся в пуху.

— Ничего страшного, переживу.

Куры путаются под ногами, одна особенно наглая лезет в угол, где мы только что освободили место.

— А ну, иди-ка погуляй, красотка! — машу рукой.

— Это Сивка, — шепчет Элла. — Упрямая, как осёл. Но хорошо несёт яйца.

Морщусь и против воли смеюсь. Ох, эта Элла!

Потом мы моем гнёзда - деревянные ящики, некоторые подгнившие, с застывшей грязью на дощечках. Я оттираю их щёткой, заливая водой с настоем золы и мыла.

Когда пол вычищен, мы подсыпаем свежую солому - жёлтую, колючую, пахнущую солнцем. Курочки тут же бросаются в неё, возятся, кудахчут и ведут себя так, будто ждали этого момента с самого начала.

— Ну вот, — вытираю лоб. — Ещё пару дней, и будет настоящий курорт. Осталось только табличку повесить: «Добро пожаловать, пернатые».

— А я могу нарисовать! — искренне загорается Элла. — С сердечками. И корону!

Я смеюсь и откидываюсь на дверь, ощущая приятную усталость.

— Пусть будет с короной. Полностью полагаюсь на твоё воображение и вкус.

Солнце поднимается выше, воздух теплеет. Мы с Эллой, вооружившись вёдрами, граблями и мотыгой, выбираемся в огород - настоящий зелёный хаос, в котором сорняки давно объявили себя полноправными хозяевами.

— Ну и заросли... — бормочу я, отводя в сторону пучок лопухов. — Здесь, похоже, можно ноги переломать.

— Или найти что-нибудь вкусное! — поднимает указательный палец вверх оптимистка Элла и, в два прыжка оказавшись у дальнего угла, визжит от восторга. — Госпожа! Здесь пастернак! И щавель! И... ой, да здесь хрен, да какой толстый!

— Это не может не радовать, — усмехаюсь я, качая головой.

На самом деле - логично. Некоторые овощи и травы легко дичают - пастернак, щавель, хрен, топинамбур, ревень, а кое-где даже дикая морковь - всё это могло расти здесь годами, никто не выкапывал и не пропалывал.

Корни толстые, жёсткие, но живые, пахнут терпко и пряно. Почва сухая сверху, но рыхлая чуть глубже. Мотыгой прореживаю пространство вокруг, руками вытаскиваю сорняки, с удовлетворением сваливаю их в кучу рядом с прорастающей грядкой.

Элла, стоя по щиколотку в зелени, наклоняется к кусту щавеля:

— Я люблю такое с яйцом, с молоком и мукой - мама пекла лепёшки! Кстати, можно и пирог испечь, только сахара

побольше добавить, чтобы перебить кислинку.

Выпрямляюсь и задумываюсь над её словами. И ведь правда! Какой простор для фантазии и вкуса! Беру на заметку. Ещё рано загадывать, но я нет-нет, да подумываю о лавке с пирогами. Здорово же было бы! И средства к существованию нам необходимы. Но где взять начальный капитал, чтобы вложиться в бизнес? Пум-пум-пум.

Хороший вопрос, а вот хорошего ответа на него у меня пока нет.

Что, если козье молоко продавать? Ещё бы найти - кому. И, разумеется, его нужно простерилизовать, иначе пропадёт. Или... использовать в выпечке!

На ум сразу приходит рецепт кахеты - молочного десерта из козьего молока, похожего на мягкую карамель. Её, в свою очередь, можно использовать в выпечке и в качестве начинки.

Так-с! Беру на заметку.

— О, госпожа! А что это за... листочки такие? — Элла вдруг приседает и касается широкого глянцевого зелёного листа.

Подхожу и осторожно трогаю край. Лист плотный, тянется, на изломе выделяется чуть слизистая капелька. Запах - мягкий, свежий, с намёком на лук, но с чем-то ещё чуть чесночным, почти маслянистым.

— Это лук... какой-то странный, — говорю, нахмурившись.

— Лук-слизун! — вспоминает Элла и радостно хлопает в ладоши. — У нас в деревне при школе такой рос. Учительница срывала его и клала в лепёшки с сыром. Он нежный, совсем не жгучий!

Поднимаю один из листочков, скручиваю его в пальцах — он упругий, как водоросль, с тонким соком, чуть охлаждающим кожу.

— Интересно... — шепчу. — Он ведь многолетний?

— Ага, — кивает Элла. — Говорят, если посадить его один раз, то потом он будет расти сам. Его даже пересаживать не нужно.

Осторожно выдергиваю один кустик с корнем. Корневая система крепкая, но рыхлая. Он легко вынимается, и в руках остаётся густая куртина пряных листьев.

— Что ж, всё не так плохо, как могло показаться, — улыбаюсь я. — Надо оставить его, прополоть вокруг. Может, ещё что-нибудь съедобное найдётся.

— А потом я сделаю с ним пирожки! — Элла сияет, уже явно представляя вкус. — Или с яйцом... или с мягким сыром...

— И в пирог, и в салат, и в соус — универсальное растение, — бормочу я, складывая пучок в корзину. — И у меня уже есть несколько рецептов для его применения.

Присаживаюсь и освобождаю нежные, чуть кисловатые листья щавеля от пучков крапивы. Он приятно холодит пальцы и пахнет кисло и свежо. Я глубоко вдыхаю и на мгнове-

ние закрываю глаза.

А в памяти всплывает образ Грегора.

Его сытая морда, приторно-вежливая улыбка, словно натянутая нитками на уши. И эти сынки, словно из подпольной шайки.... Один облизывает зубы и пялится, второй явно привык получать то, что хочет. Ему плевать, кто перед ним. От них надо держаться подальше. И уж точно не заводить никаких *дел*.

Снова выпрямляюсь и сильнее втыкаю мотыгу в землю.

— Госпожа?.. — Элла смотрит на меня, тревожно прищурившись.

— Всё в порядке, — отмахиваюсь я. — Просто вспомнила о сегодняшних незваных гостях.

— Наместник с сыновьями, — угадывает она.

Я киваю. Секунду раздумываю и всё же спрашиваю:

— Он часто ездит сюда?

— Нет... — Элла запинается. — Раньше не видела их. Но... ходят слухи. Говорят, он потихоньку скупает всё в округе. Фермы, лавки, таверны. Только не напрямую - через кого-то.

Вот оно что! Опускаю взгляд на пальцы в земле, на листья щавеля.

Неужели ему интересна земля? Дом? Или всё вместе?

Ох, чую, он ещё покажется. Если положил глаз на поме-

стве, то не уgomонится, пока не добьётся своего. Надо быть начеку.

Э-эх, не так я себе жизнь с чистого листа представляла, но не бывает легко, верно же? Справлюсь. Вон, какие у меня помощники!

Губы сжимаются. Аккуратно складываю пучок щавеля в корзину и поворачиваюсь к Элле:

— Слушай... А Тарен. Ты его давно знаешь?

Она сразу замирает. Щёки заливаются румянцем, волосы выбились из-под чепца и колышутся на ветру, а взгляд живой и озорной.

— Мы с ним познакомились здесь. Он приехал в поместье, когда я уже приступила к работе. И, если хотите знать... — она засовывает в рот стебель ревеня, грызёт его и шепчет с заговорщической улыбкой: — Если бы он был из моей деревни, у него было бы не счесть поклонниц. Вы бы видели, как он держит косу! Красавчик! Я бы... за него замуж вышла! Но он не зовёт.... Оно и понятно, мы знакомы совсем ничего.

— Косой, значит, очаровал тебя? — посмеиваюсь я.

— И плечами! — Элла заливается смехом, пряча пылающее от смущения лицо.

Я смеюсь вместе с ней. Но в голове снова всплывают герб с птицей, соломинка, торчащая из зубов, глазки пороссячи и хитрющие. И мерзкое «Ну-с, доброе утро».

Нет, так дело не пойдёт. Нужно обезопасить себя от по-

добных визитёров. Такие люди не имеют чести. А мне не нужны проблемы.

Но у проблем на мой счёт своё мнение.

Глава 19

Утро начинается с молока. Элла ещё до рассвета сдаивает коз, а через полчаса Грета уже ставит на плиту пузатую кастрюлю. В ней начинает колыхаться белое озеро - густое, почти бархатное, с пенкой по краям.

Когда молоко остывает, она отливает часть в большую керамическую миску, добавляет ложку сыворотки и оставляет на полке возле печи. Через день жидкость начинает густеть, и в ней проступают сгустки.

Грета переливает массу в мешочек из марли, подвешивает над кувшином, чтобы стекла лишняя влага, и через сутки выходит мягкий сыр - белый, с нежной текстурой и лёгкой кислинкой. Он ещё не зрелый, но как раз то, что нужно в пироги или сдобу.

— Через три-четыре дня будет нежнее, — говорит Грета, переворачивая сыр и посыпая его щепоткой соли. — А если оставить дольше, станет плотным. Но, думаю, столько он не проживёт.

Киваю и отправляюсь во двор. Выхожу с ведром в одной руке и лукошком с зерном в другой. Воздух влажный от ночной росы, но тёплый, обещающий ясный день.

Козы приветствуют меня громким бляением, а куры - недовольным кудахтаньем. Всё как всегда.

У загона трудится пожилой мужчина в выгоревшей серой

рубaxe и жилете, подпоясанном бечёвкой. Волос почти не осталось, лишь тонкий венчик сединывокруг головы, а лицо смуглое, в морщинах.

Он ловко укладывает доски на козий загон, вдумчиво и не спеша. Его руки мозолистые, а движения уверенные - видно, работал с деревом не один десяток лет.

Оказалось, что нам не нужен наёмный плотник. Один из слуг, нанятых Ризандом, справляется без чужой помощи. Я видела его лишь однажды, в день приезда. Он занимался восстановлением прохудившейся крыши, потому мы не пересекались. И вот, вчера за ужином познакомились, наконец.

— Доброе утро, мастер Горан, — приветствую его, подходя ближе. — Приятно видеть вас снова. За ужином нам не довелось пообщаться. Так вы у нас плотник, оказывается?

Он выпрямляется, прислоняет к изгороди молоток и кивает.

— Доброе утро, госпожа. Работаю с деревом столько, сколько себя помню. Милорд нанял подлатать крышу к вашему приезду, так я и остался. Руки-то у меня ещё не дрожат, да и глаз цепкий.

— Это точно, — улыбаюсь я. — А руки вам сегодня пригодятся. Козы уже начали подумывать, как сбежать из старого загона.

Он усмехается, глядя в сторону рогатых мятежниц.

— Я с козами давно договорился. Доски не любят, когда их подгрызают. А я их специально пропитаю, чтоб и не пахло

вкусно, и зубы не пообломали.

— Звучит... устрашающе. Надеюсь, они оценят. А что на счёт беседки в саду? Сможете соорудить?

— Для вас, если что, и скамеечку сколочу, и забор почи-
ню. И беседку. Только скажите, — подмигивает он.

Киваю с благодарностью и продолжаю путь к кормушкам. Последующие дни проходят в заботах. Каждое утро Грета кипятит свежее козье молоко. Аромат густой, почти сладкий, наполняет кухню.

Элла переливает остывшее молоко в бидоны, вытирая ладонью испачканный подол. Тарен уносит их в погреб.

А я... а я пеку. По вечерам, когда огонь в печи уже лениво потрескивает, и за окнами сиреневая тишина, я вывожу тесто - на молоке, яйцах и капельке мёда, который Эдита где-то раздобыла.

Мука просеивается, тёплое молоко стекает в миску, пальцы разбивают яйца с жёлтыми, как солнце, желтками. Замешиваю тесто. Мысли вертятся где-то рядом: о том, как пахнет сырой лук, как ляжет начинка, как сложится край пирога. И, как обычно, я поглощена процессом.

Но мои руки будто живут отдельно от головы. Пальцы двигаются так, словно знают, что делать. Каждое движение, как дыхание. А в груди - тихое, тёплое ощущение. Уют. Желание, чтобы этот дом стал настоящим.

И, кажется, что-то из меня переходит в тесто. Нечаянно. Без усилий. Магия ли это?

Из того, что растёт в огороде и лежит в корзинах на кухне, выходит не так уж и мало. Пусть нет ни изюма, ни ванили, но воображение - лучший ингредиент.

Сегодня я пеку два пирога.

Первый - сладкий, с пастернаком. Второй - с зеленью, топинамбуром и мягким сыром.

Тру пастернак на крупной тёрке, слегка припускаю на сковороде, добавляю ложку мёда, немного сушёной мяты и мускатный орех. Начинка становится тёплой, орехово-пряной, чуть терпкой. Запах... как у карамели с нотками лета и солнца.

Щавель тушу в сливках с горстью дикого чеснока, добавляю топинамбур тонкими слайсами, обжаренными до золотистой корочки. Сыр выкладываю последним, чтобы чуть расплавился и смешался с начинкой. Всё на дрожжевом тесте, румяном, пышном.

Ставлю в печь, и вся кухня наполняется ароматом: тёплого молока, пряной зелени, карамелизованного корня. Элла, просунув голову в кухню, тут же замирает с расширенными глазами.

— Госпожа... я... я только посмотрю! Ну, и понюхаю! И, может, если уголок вдруг сломается...

— Уголок сломается тебе в тарелку, если досмотришь до конца ужина, — смеюсь я, и чуть раньше времени вынимаю пробную порцию.

На ужин собираемся все. Элла, конечно, не дожидается - успевает откусить кусочек, пока я разрезаю. Грета молча пробует, потом вдруг замирает с ложкой в руке.

— Как будто голова прояснилась... — говорит она и задумчиво хмыкает. — Утром такая тяжесть была, а сейчас прямо легко.

— Это сыр, — тихо посмеивается Тарен и отпивает из чашки липовый чай. — Я же говорил, он у тебя чудодейственный.

Я улыбаюсь, но в груди появляется незнакомое ощущение - как щелчок или толчок изнутри. Я что-то вложила в тесто? Это была действительно она, магия?

Мы доедаем ужин, болтаем, Элла смеётся, Грета возмущённо шипит на неё, чтобы не говорила с полным ртом. Впервые за долгое время я чувствую себя почти... счастливой.

И тут Эдита, аккуратно накладывая себе ещё один ломтик пирога, говорит:

— На выходных в Астренбурге состоится ярмарка. Все местные туда съезжаются - кто с вареньем, кто с сыром, кто с пряжей.

Я поднимаю глаза.

— Ярмарка?

— Она самая, — кивает она. — Даже наместник туда ездит. Торговля, сделки, вся округа съезжается. Кто сообразительный - хорошо зарабатывает.

Я откидываюсь на спинку стула и смотрю на пирог. На тарелке остался один кусочек.

И внутри меня вдруг вспыхивает мысль. Яркая. Чёткая. Гениальная, как мне в этот момент кажется.

— Кто же может в ней участвовать?

— Да все желающие, — небрежно бросает Эдита, попивая чай. — Кому есть, чем торговать.

Подаюсь вперёд, складывая локти на столе.

— А что, — говорю, прищуриваясь. — Почему бы и не попробовать?! Кто сказал, что у *нас* нечем торговать?

Глава 20

Ризанд

В кабинете царит тишина, слышно только потрескивание поленьев в камине. Толстые стены, плотные шторы, начищенный до блеска дубовый стол. Вечернее небо затянуто тучами, в окне отражаются свечи. Я сижу в кресле, и Милена опускается передо мной без команды. Как всегда.

Её колени касаются ковра, руки скользят по моей талии. Она знает, что я не остановлю её.

Тонкие пальцы играют с пряжкой ремня. Расстегивают его. Голова наклонена, густые чёрные волосы ниспадают на бледные плечи. Она выучила каждое движение, каждую позу, каждую интонацию, которые могут вызвать во мне хоть искру желания.

— Ты молчалив сегодня, — говорит она, и опускается ниже. Губы едва касаются кожи.

— Замолчи и используй рот по назначению, — отвечаю я хрипло и запрокидываю голову на спинку кресла.

Это не ласка. Не близость. Это - выпускание пара. Когда-то я думал, что с ней можно будет отдохнуть. Спрятаться от политики, от магии, от брака. Но в последнее время Милена стала нервировать.

У неё хороший рабочий ротик. Бесполезные разговоры ей даются хуже. Способная девочка, но годится только для за-

бавы.

Грубо хватаю её за волосы, направляя движения. Это её только заводит. Она выгибается и запрокидывает голову, выкатывает глаза, чтобы видеть, сколько удовольствия доставляет мне.

«Думает, что у неё есть власть надо мной, раз в койку запрыгнула. Думает, я забываю, чья она дочь и зачем её мне подсунули».

Видела бы Мишель, чем мы тут занимаемся. Окончательно слетела бы с катушек и проредила волосы сводной сестре. Заодно огребли бы служанки, попавшиеся под горячую руку.

В постели с ней было до банальности скучно. Один только её мученический взгляд в потолок и закушенная губа весь настрой сбивали. Но дракону она нравится, по-своему вкусная. Есть в её неопытности какой-то свой шарм. Но мне всегда хочется больше, ярче.

В памяти всплывает аромат кожи Мишель - одурманивающий, пьянящий до гнева. Тепло ванили, вплетённое в терпкий, живой шлейф лесных ягод. Сладость, от которой хочется отвернуться... и вдохнуть поглубже.

Пахнет, как искушение.

Дракон одобрительно урчит. Придётся её оставить себе на радость зверю. Но с чётко очерченной границей. По моим правилам.

Милена доводит меня до разрядки и отстраняется. Улыбается с выражением невинной покорности, вытирая тыль-

ной стороной ладони белую струйку в уголке рта.

Я не целую её. Никогда. Не хочу. Ни поцелуев, ни нежности. Треплю её за подбородок и небрежным жестом руки ве-
лю подняться.

Она встаёт с колен и поправляет волосы, скользит по комнате, словно хозяйка, и мурлычет:

— Что-то ты сегодня быстрее обычного, милый.

— Дел ещё невпроворот, — бросаю, застегивая ремень.

Она капризно дует губки.

— Разве мы не переместимся в спальню?

— Не сегодня.

— Но я хотела... поговорить, Ризанд. Мииилый! Мы же....

— Я сказал - не сегодня, — холодно отрезаю. — Найди себе занятие.

Подхожу к двери и распахиваю её, указывая Милене на выход. Она семенит мимо меня, опустив глазки в пол. Обиделась? Раньше она была понятливее. Что стряслось? Свободу почувствовала? Не тут-то было.

Она уходит, оставляя после себя шлейф кисловатых духов. Но даже ему не удаётся перебить фантомный запах кожи Мишель, застрявший в ноздрах.

Умываюсь холодной водой - не помогает. Рычу сквозь стиснутые зубы. Бесит. Смотрю на себя в зеркало, на капли, стекающие по лицу. С чего вдруг думаю о ней, а?

Закрываю глаза. Несколько вдохов, чтобы прогнать раз-

дражение, выбросить жену из головы.

В дверь стучат дважды. Я уже знаю, кто пожаловал.

— Заходи, — сухо бросаю и промакиваю кожу полотенцем.

В кабинет входит Эдриан Роквел - высокий, широкоплечий, статный, с вечно насмешливым взглядом и черными волосами до плеч. Плащ усыпан каплями дождя, в руках - запечатанный свиток.

— От тебя пахнет женщиной, — говорит он вместо приветствия, принюхиваясь, и кривится. — Опять она?

Драконье чутьё не обманешь.

— Она - не важна.

Эдриан ухмыляется.

— А она об этом знает?

Морщусь и опускаюсь в кресло.

— Что у тебя?

Эдриан фыркает и садится в кресло напротив. Распечатывает свиток, разворачивает его, разглаживает ладонью угол. Бумага влажная от дождя, чернила слегка расплылись, но символы читаются. Руны тёмной природы. Искажённые. Ядовито-красные.

— Ферма на севере. В двух часах езды от Астренбурга. Хозяева - муж, жена, трое детей. Все исчезли. Ни тел, ни следов побега. Только земля выжжена до черноты. Как будто что-то вырвалось изнутри дома и всё вокруг поглотило.

— Артефакт?

— Полагаем, что да. Но след довольно слабый. Сигнатура нечёткая, однако, руны из запрещённых практик, ближе к поглотителям. Искажения в тканях пространства.

— Где именно? — подаюсь вперёд, вглядываюсь в записи.

Он показывает на окрестности Эйвендейла. Мой взгляд замирает. Хм-м-м-м. А я туда женушку сплавил на днях. Но Эдриану знать об этом не следует.

— И? — спрашиваю. — Есть свидетели?

— Нет, и это не первый случай. Было что-то похожее - семья исчезла на другом конце деревни. Там теперь только чёрная земля. Местные говорят: «землю прокляли». Магия там не работает. Кто-то уводит скот. Болтают, будто бы волки. Но странно то, что волки так разборчивы - берут только молодняк, телят и козлят. Тех, что подороже.

Отклоняюсь к спинке кресла, задумчиво потирая подбородок.

— Картинка потихоньку складывается.

Эдриан коротко кивает и пристально смотрит на меня янтарными глазами.

— И ты хочешь, чтобы я туда поехал? — спрашиваю.

— Я хочу, чтобы ты осмотрел место, увидел своими глазами. Ты же Верховный Хранитель, Риз, а я на подхвате. Это дело носит для меня личный характер теперь.

Изгибаю бровь.

— Почему же, если не секрет?

Он хмурится и небрежно пожимает плечами. Свойствен-

ный ему насмешливый взгляд вдруг мрачнеет.

— Там моя... жена. Закусочную открыла. Маленькую. У дороги.

Не сдерживаюсь и смеюсь, запрокидывая голову. Эдриан морщится, как от кислого эликсира.

— Представляешь, моя жена с подносом в руках?! Уму непостижимо....

Я фыркаю.

— Ты дал добро?

— У неё внезапно прорезался характер, Риз. И я... расте-
рялся. Не ожидал от неё такой прыти.

— Ты совсем раскис, дружище, — усмехаюсь. — Моя бы попробовала что-нибудь подобное...

— Ну? Что бы ты сделал? — поддразнивает Эдриан. — Запер бы в башне?

Поднимаю на него стальной взгляд. Говорю сквозь зубы:

— Если бы моя жена встала у прилавка, тряся грудью перед другими мужиками, как последняя уличная девка... Я бы затащил её за волосы в экипаж на глазах у прохожих, запер в доме и опечатал дверь.

Эдриан морщится.

— Жестоко.

— Это милость, — пожимаю плечами. — Я - Верховный Хранитель. Моя жена не может быть торговкой. Фамилия Маккензи должна внушать уважение и страх, а не насмешки.

Я бы не позволил ей меня позорить.

Эдриан хмыкает и небрежно поправляет рукав. Но я вижу, как он смотрит исподлобья, словно мои слова его задели.

А я мысленно уже в дороге. Похоже, придётся раньше времени навестить жёнушку.

Глава 21

Мишель

Дом просыпается в приглушённой тишине. За окном ещё серо, росой покрытые стекла чуть запотели, и сквозь них мир кажется акварельным.

Расплетаю волосы, умываюсь прохладной водой и стягиваю на спине простое платье на завязках. Волосы не убираю высоко, просто перехватываю тёмной лентой на затылке. В груди лёгкая дрожь от предвкушения предстоящей работы.

К моменту, когда спускаюсь в кухню, Грета уже жарит лепёшки. Тёплый запах теста, масла и зелёного лука щекочет нос, поднимает настроение. Я прихватываю кружку с земляничным чаем, беру тарелку с лепёшкой и выхожу в столовую.

Эдита тоже поднялась - в тёмно-синем платье, с фартуком и записной досочкой в руках. Она сосредоточенно записывает, что нужно проверить в кладовке. Элла сидит рядом, жуёт, болтает ногой в воздухе и что-то тихо себе напевает.

— Доброе утро, дамы, — говорю я, садясь напротив. — У меня есть предложение.

— О, я заранее готова на всё, — шутит Элла, поднимая голову.

Подмигиваю ей и отпиваю из чашки ароматный чай.

Эдита откладывает досочку и смотрит прямо, как обычно - чуть настороженно, сдержанно. Но в глазах светится инте-

рес.

— Вы говорили вчера о ярмарке. Я хочу туда поехать. Со своими пирогами.

Повисает пауза. Проглатываю обжигающий напиток и добавляю:

— Я хочу попробовать продать выпечку. У нас есть всё, чтобы начать: мука, яйца, молоко, зелень, топинамбур, пастернак. Сыр. Мёд. Даже яблоки и вишни.

Элла распахивает глаза.

— Вы правда думаете... прям... продавать? На ярмарке?

— Почему нет? — улыбаюсь. — У нас полно фруктов, не хочется, чтобы пропали. Да и лишняя монетка нам не помешает. Признаться, я не хочу зависеть от лорда Маккензи. Надо привыкать к самостоятельности и решать финансовые проблемы. Потому хотела спросить: вы со мной? Если откажетесь - я пойму.

Эдита переглядывается с Гретой, Элла смотрит на меня с абсолютным восторгом и качает головой, широко улыбаясь. Кошусь на экономку. Она приставлена следить за мной, но я обязана перетянуть её на свою сторону. С Гретой проще. Она пожимает бесхитростно плечами.

— Почему бы не попробовать?! — выдаёт кухарка и возвращается к лепешкам, шкворчащим на большой сковороде.

Эдита поворачивается ко мне и выпускает тяжёлый вздох. Внутри всё сжимается от волнения.

— Что ж, госпожа, вам потребуется прилавок, скатерть, ящики для хранения, корзины, коробочки или пергамент для упаковки, — деловито перебирает Эдита и разводит руками. — Возможно, знак или вывеска, чтобы отличаться.

Я мысленно ликую. Она согласилась! Хотя и не особо рада.

— Всё верно. С этим я и хотела посоветоваться. Мы можем что-то смастерить из того, что есть? Или заказать? И... мне нужно будет немного муки и сахара в запас.

— А название у лавки будет? — спрашивает Элла, сияя. — Ну, чтобы красиво!

Я улыбаюсь, не раздумывая.

— "Яблочко". Пока ничего оригинальнее на ум не приходит.

Элла хлопает в ладоши.

— По-моему, очень мило. Табличку я нарисую! — восклицает она. — У меня есть кисть!

— Тогда я всё уточню и передам список Горану. Он работает с деревенским плотником - может, соберут вам стойку. И подберём всё для упаковки, — говорит Эдита уже тоном, в котором звучит деловой уклад. — Сегодня должен прибыть посыльный от милорда. Полученную сумму распишем, должно хватить.

Я киваю, покрываясь от радости мурашками. И вовсе не так страшно было, правда? Но самое сложное впереди.

К вечеру сижу за кухонным столом, лист пергамента пе-

редо мной испещрён заметками, а пальцы в муке. Элла принесла серую оберточную бумагу, обрезки шёлковой ленты и моток старого шпагата - для упаковки. Я даже нашла кусок грубой ткани с мелким рисунком на чердаке - он пойдёт как скатерть на прилавок.

Меню на первый день небольшое, но душевное:

Пирог с луком-слизуном, мягким сыром и щавелем - соловато-пряный, с румяной корочкой.

Сладкие пирожки с пастернаком и мёдом - мягкие внутри, с лёгким ароматом пряностей.

Небольшие булочки с яблочной начинкой и посыпкой из сушёного тимьяна и сахара.

Планирую сделать по десять штук каждого вида. Столько, чтобы попробовать, но не перегрузить себя. И понять - придётся ли по вкусу моя выпечка местным.

— Госпожа, а если всё разберут? — спрашивает Элла, разнощица энтузиазма. — Мы ведь потом ещё испечём, правда?

— Конечно, испечём, — улыбаюсь я. — Только если всё разберут, мы ещё и отпразднуем.

Она хлопает в ладоши и убегает за ножом, чтобы резать яблоки, а я достаю глубокую миску, насыпаю муку, вливаю тёплое молоко и начинаю месить тесто для нового рецепта.

Тесто под пальцами мягкое, тёплое, живое. Оно дышит. Подготовка для меня настоящее волшебство. Помогает собраться с мыслями и настроиться на нужный лад. Успокаивает и

вдохновляет.

Я тонко чувствую вкусы, пропорции и знаю, как сочетать сладкое с терпким, как согреть человека корочкой и пряным послевкусием. Знаю, что делает выпечку по-настоящему воздушной и аппетитной. Кухня - моя стихия.

Но пирогами с луком и пастернаком никого не удивишь. Мне нужно что-то большее. Что-то с изюминкой. Хотя без изюма.

Поднимаюсь и подхожу к полке, где стоит глиняный горшочек с мёдом. Рядом мешочек с тимьяном.

А вот и ингредиенты для моего особенного десерта! Для счастья много и не нужно.

Очищаю яблоки, мелко нарезаю, тушу в мёде с горсткой трав. Тимьян шепчет ароматом - сухим, зелёным, чуть перечным. Добавляю пару ложек молока, немного муки, и получается липкая, пряная масса, которую можно завернуть в тонкое тесто, свернуть в рулетики.

Обрезаю лишнее, прижимаю швы, выкладываю на противень, смазываю молоком и посыпаю крупными кристаллами сахара, которые Грета где-то раздобыла.

— Что это? — заглядывает в кухню Элла с ведром зерна в руке.

— Мини-рулетики. С яблоками, мёдом и тимьяном.

— О, госпожа, это же... изысканно! — восторгается она.
— Как на празднике!

— Ну, вот и будет у нас праздник, если их кто-нибудь ку-

пит, — посмеиваюсь я.

Но внутри уже греется уверенность. Я снова чувствую себя собой. И у меня должно получиться так, как планирую. С такими помощниками успех гарантирован!

Мука висит в воздухе тонкой пыльной вуалью, на столах растут горки теста, дольки яблок на разделочных досках. Пахнет корицей и сливочным маслом.

Уверенно разделяваю очередной пласт теста, пальцами ловко заворачиваю края. Полностью поглощена процессом. И вдруг слышу рядом негромкий голос:

— Госпожа, — осторожно начинает Грета, отрываясь от помешивания похлебки, — а где вы научились так обращаться с тестом?

Замираю на полудвижении. Чуть прикусываю губу. Такого вопроса следовало ожидать, но я расслабилась и забылась. Блин....

Как же выкручиваться теперь? Что сказать? Что в другом мире я обучалась кондитерскому делу, а здесь... здесь по идее должна быть светской дамой, не нюхавшей кухни?

На сердце холодок. Лихорадочно соображаю, а Грета смотрит на меня в ожидании ответа. Благо, Эдита во дворе и не слышит нашего разговора.

Вытираю руки о фартук, придумывая ответ на ходу:

— Матушка учила меня и нанимала гувернанток, — негромко говорю, чуть склонив голову. — И... у нас в семье считалось важным, чтобы девушка умела вести дом. При-

личная хозяйка - гордость рода.

Грета одобрительно кивает, улыбаясь уголками губ.

— Верно, — бормочет она, возвращаясь к работе. — Порядок в доме начинается с рук хозяйки.

Выдыхаю, чувствуя, как сердце постепенно возвращается к обычному ритму. Фух! Кажется, пронесло.

Краем глаза замечаю Эллу, весело шмыгающую между столом и печью с корзиной фруктов. Она насвистывает что-то беззаботное. Так-с, можно расслабиться и продолжить работу.

И я снова углубляюсь в процесс, вкладывая в каждый пирог не только силу рук, но и частичку себя и своего настроения. Надежды на лучшее.

За день до ярмарки отправляемся с Эллой и Тареном выбирать место для прилавка и вывески.

После ночного дождя земля под ногами мягкая, а трава по обочинам дороги усеяна каплями росы. Я поднимаю подол платья, чтобы не запачкать, но всё равно ощущаю, как край немного увлажняется.

— Вот здесь? — спрашивает Элла, указывая на поворот у дуба. — Люди отсюда на рынок ездят. И лесом в город идут. Я видела, мимо всегда кто-то проходит или едет.

Останавливаюсь, вглядываюсь вперёд.

Дорога - накатанная, с двумя глубокими колеями и мягкими, слегка заросшими обочинами. Рядом нависает старая яблоня, крона у неё раскидистая, ветви низкие, а вокруг -

аромат спелых яблок. Воздух насыщен кисло-сладкими нотами, и это... идеально.

— Да, — киваю. — Здесь. Тень от яблони, видно со всех сторон, можно повесить табличку. И пахнет вкусно, в тему. Уже преимущество.

Элла одобрительно кивает, делает шаг к дереву и поднимает яблоко. Откусывает его и и бредёт в сторону рынка. Иду за ней, поднимая подол платья, чтобы не запачкать его в дорожной пыли.

Отсюда уже видно ярмарочную площадь.

Широкая, вымощенная грубыми камнями, пока ещё наполовину пустая, но вокруг неё кипит жизнь.

Торговцы спешно разгружают телеги, устанавливают деревянные прилавки - кривоватые, но основательные. Кто-то расставляет корзины, кто-то развешивает ткани, кто-то сыпет зерно в плетёные короба. В воздухе пахнет свежими досками, лошадьми и первыми пряными специями.

Элла ведёт меня к нашему месту, весело размахивая рукой с надкусанным яблоком. Горан уже устанавливает прилавков. Место удачное, у самого входа. Что ж, осталось самое главное - таблички и пироги.

Ночь выдаётся короткой. Я не сплю почти совсем. На кухне жарко, в окна бьётся лунный свет. Пахнет мукой, карамелью, зеленью.

Пеку без остановки. Одни пироги вынимаю - другие уже

отправляются в печь. Рулетики с яблоками и тимьяном, пирожки с пастернаком, пирог с луком и сыром. К утру стол ломится.

Элла просыпается ещё до рассвета. Ворчит сонно, но вскоре сидит на полу с кисточкой в руке, повторно вырисовывая заготовленную вывеску на деревянной доске: "Яблочко". Буквы крупные, вишнёвого цвета, обведены золотистым. Удивительно, но выходит красиво - чуть криво, но с душой.

Эдита занимается упаковкой рулетиков в пергамент, завязывает шпагатом. Булочки отправляет в корзину с полотенцем. Пироги - в деревянные ящики.

А в это время Тарен и Горан упрягают телегу. Тарен молчит, но поправляет поклажу с вниманием к каждой верёвке. Я замечаю, что он аккуратно закрепил не только ящики, но и положил под них сено - чтобы ничего не сбилась.

Когда мы подъезжаем к рыночной площади, деревня встречает дымком из труб, шумом голосов, переключкой торговцев и стуком колёс. В воздухе висит аромат пряников, мыла, яблок и чего-то жареного. Сотни голосов, флаги, прилавки. Сердце сжимается - от страха и восторга одновременно.

Элла разворачивает вывеску, прищепляет её к стойке. Я раскладываю выпечку, поправляю ткань, что накрывает стол. Вытираю руки о фартук и стараюсь дышать ровно.

— Ну что, госпожа, — улыбается Элла, — готовы?

Смотрю на выложенные с любовью пироги. На вывеску - и киваю.

— Готова. Вперёд, "Яблочко".

Сначала люди проходят мимо, кидают взгляды, вдыхают запах, но торопятся дальше. Стою, взволнованно сжимая край прилавка. Пальцы холодные. Пульс глухо стучит в висках. Неужели всё было напрасно?

Элла снуёт туда-сюда, поправляя вывеску, подравнивая ленты, пока я не прошу её остановиться, иначе мне станет плохо от волнения.

К обеду продаём всего-то три пирога. И я почти отчаиваюсь, когда улавливаю стук каблуков, шелест ткани. Вытягиваюсь по струнке. Перед прилавком останавливается молодая женщина с длинными светлыми волосами, окутанная лёгким ароматом духов с нотами ванили и лимонника.

Стройная, с мягкой улыбкой на нежном лице. Светлые волосы заплетены в простую, но аккуратную косу, выбившиеся прядки чуть треплет ветер. Платье на ней скромное, но сшитое с хорошим вкусом: светло-голубое, с тонкой вышивкой по подолу и рукавам.

Блондинка с интересом склоняется над прилавком, вдыхая аромат свежей выпечки.

— Какой чудесный запах! — восклицает она искренне. — Расскажите, пожалуйста, что у вас здесь?

Спешу ответить, стараясь, чтобы голос звучал уверенно: — Рулетики с яблоками и мёдом, пироги с пастернаком и

карамелью, и ещё с мягким сыром и зеленью.

— Звучит великолепно, — говорит она, сияя. — Я возьму по несколько штук каждого. И ещё десерты, пожалуйста! Идеальное дополнение для моей закусочной.

С этими словами она протягивает большую плетёную корзину с крепкими ручками.

Улыбаюсь и осторожно, с особой заботой, перекладываю пироги в её корзину. Внутри всё звенит от радости - первая настоящая покупка! Элла едва не скачет вокруг прилавка от счастья, но вовремя себя одёргивает.

Пока я завершаю упаковку, краем глаза замечаю движение.

Поднимаю взгляд и тут же напрягаюсь.

На краю площади сидит на глянцево-чёрном коне статный всадник. Мужчина с черными волосами, перехваченными лентой, в пурпурном камзоле, украшенном тонкой золотой вышивкой. Военная выправка, широкие плечи, лицо с холодными, суровыми чертами. Из-под тёмных бровей он внимательно следит за происходящим, и особенно - за блондинкой.

Неведомый холодок скользит по коже, когда его глаза встречаются с моими на короткий миг. От него так и веет опасностью.

Блондинка вежливо благодарит, прерывая мои мысли, кладёт монеты на прилавок и, прижимая корзину к груди, направляется прочь - прямо к всаднику. При виде неё, его лицо

смягчается. В глазах чувствуется некоторая неловкость. Он чуть склоняет голову, но она проходит мимо, к телеге.

Любопытно, кто они такие? Вытягиваю шею, закусив губу, но на прилавок падает высокая тень.

И, ещё не понимая, что происходит, покрываюсь ледяными мурашками. Сердце ухает в пятки. Медленно-медленно перевожу взгляд и даблюсь вдохом.

Нет, только не *он*! Только не Ризанд! И почему у него такой вид, будто.... он меня на месте испепелить хочет?!

Глава 22

Он стоит в полушаге. Высокий, нереально красивый и ледяной. По выразительным глазам брызжет холод, от которого дыхание перехватывает. Светлые волосы, почти белые, легко вздымаются от ветра. Плащ развевается, сапоги в пыли дороги.

Замираю, забывая про воздух. Мир вокруг перестает существовать. Сужается до одного только лица дракона. И я готова на месте провалиться под его взглядом.

Ризанд сканирует меня им - медленно, снизу вверх, сквозь. И спрашивает тихо, почти вкрадчиво:

— Как это понимать, Мишель, м?

Я глотаю воздух, как рыба, выброшенная на берег. Всё тепло от пирогов, от добрых слов, от успеха - тает, будто и не было.

— Я... я, — прикусываю язык, не зная, что ответить.

Вот как я теперь должна оправдываться, а? Какого чёрта его сюда принесло?!

Он подаётся вперёд и опирается ладонями о прилавок. Нависает надо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.